

МОРГАН РАЙС

КНИГА № 13 В СЕРИИ КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ

ВЛАСТЬ КОРОЛЕВ

Кольцо чародея

Морган Райс
Власть королев

«Lukeman Literary Management Ltd»

2014

Райс М.

Власть королев / М. Райс — «Lukeman Literary Management Ltd»,
2014 — (Кольцо чародея)

«...Главкомандующий широко улыбнулся, сдерживая нетерпение. «Так кто же из вас это был?» – спросил он. «Кто убил надзирателя?» Дариус смотрел на него с непроницаемым лицом, но внутри он весь дрожал. «Подойдите поближе командир, и я скажу вам его имя». Тот сделал шаг, и в этот момент весь мир для Дариуса застыл. Дрожащими руками он потянулся вниз и достал из-за пояса кинжал. Стальной кинжал, из настоящей стали, который ему дал кузнец, и который он всё это время прятал. Он бросился вперёд, и под испуганный вздох старейшин и всего своего народа вонзил кинжал по самую рукоять прямо главкомандующему в грудь. Глаза имперца округлились от удивления и ужаса, он упал на колени, не в силах поверить в то, что такое вообще могло произойти. «Ты никогда не забудешь имя преступника», – сказал Дариус, стоя над ним...»

Содержание

О Морган Райс	6
Избранные отзывы о Морган Райс	7
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	12
Глава четвёртая	15
Глава пятая	20
Глава шестая	24
Глава седьмая	29
Глава восьмая	33
Глава девятая	36
Глава десятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Морган Райс

Кольцо чародея – 13. Власть королев

Авторское право © 2014 Морган Райс

Все права защищены. Кроме случаев, разрешенных в соответствии с Законом США об авторском праве от 1976 года. Никакая часть данного издания не может быть скопирована, воспроизведена или передана в любой форме и любыми средствами, или сохранена в системе базы данных или поиска информации без предварительного разрешения автора.

Эта электронная книга лицензирована только для вашего личного пользования. Эта книга не может быть повторно продана или отдана другим лицам. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или она не была куплена только для вашего личного пользования, вы должны вернуть ее или приобрести свой собственный экземпляр. Спасибо за уважение к тяжелой работы этого автора.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, является абсолютно случайным.

Права на изображение на обложке принадлежат Slava Gerj, лицензия Shutterstock.com.

О Морган Райс

Морган Райс – автор бестселлеров №1, перу которого принадлежит серия эпического фэнтези «КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» (состоящая из 17 книг); серия бестселлеров №1 «ЖУРНАЛ ВАМПИРА» (состоящая из 11 книг и их число растет); серия бестселлеров №1 «ТРИЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ» – постапокалиптический триллер, включающий в себя две книги (и их число постоянно растет); и новая серия эпического фэнтези «КОРОЛИ И ЧАРОДЕИ» (состоящая из 2 книг и их число растет). Книги Морган доступны в аудио форматах и печатных изданиях, ее книги переведены на более чем 25 языков.

Морган нравится получать от вас письма, поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь посетить www.morganricebooks.com, чтобы присоединиться к списку рассылки, получить бесплатную книгу, бесплатные призы, скачать бесплатное приложение, получить самые последние эксклюзивные новости, связаться по Facebook и Twitter и оставаться на связи.

Избранные отзывы о Морган Райс

«КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» содержит все ингредиенты для мгновенного успеха: заговоры, дворцовые интриги, тайны, доблестные рыцари, зарождающиеся отношения, которые сопровождаются разбитыми сердцами, обманом и предательством. Книга продержит вас в напряжении не один час и подойдет для любого возраста. Рекомендовано для постоянной библиотеки всех любителей фэнтези»

Books and Movie Reviews, Роберто Маммос

«Увлекательное эпическое фэнтези».

Kirkus Reviews

“Тут намечается что-то необыкновенное.”

San Francisco Book Review

“Много действия ... Райс качественно пишет, и её истории интригуют.”

Publishers Weekly

“Вдохновенная фэнтези ... Заявка на эпическую серию для юношества.”

Midwest Book Review

Глава первая

Торгрин бился головой о скалы и захлебывался грязью, скатываясь по склону на сотни футов, вместе с разрушающейся горой. Мир перед глазами вращался, он пытался остановить это, сориентироваться, но не мог. Боковым зрением он видел, как кубарем катятся вниз его братья, также, как и он, бесплодно пытаясь ухватиться за корни и выступы скал – за что угодно, чтобы замедлить падение.

Тор осознал, как с каждой секундой он все дальше и дальше удалялся от вершины вулкана, от Гувейна. Он думал о том, как там, наверху, дикари готовятся принести в жертву его первенца, и ярость жгла его изнутри. Стоная, он цеплялся за грязь, готовый отдать что угодно, чтобы снова там оказаться.

Но как бы он ни старался, немного было в его силах. Тор едва мог видеть и дышать, не говоря уже о том, чтобы защищаться от ударов несущихся на него потоков камней и грязи. Ему казалось, что весь груз вселенной разом упал на его плечи.

Всё происходило очень стремительно, слишком быстро, чтобы Тор мог что-то понять, и когда ему удалось взглянуть вниз, он заметил площадку с зубчатыми скалами. Он понял, что стоим им упасть на них, никто не выживет.

Тор закрыл глаза и попытался вспомнить свою учёбу, наставления Аргона и слова матери, пытался найти спокойствие внутри бури и воззвать к силе воина внутри себя. Когда ему это удалось, он увидел, как вся жизнь пролетает у него перед глазами. *«Неужели, – думал он, – это мой последний экзамен?»*

«Пожалуйста, Господи, – молился Тор, – если ты существуешь, спаси меня. Не дай мне вот так умереть. Позволь мне призвать силу. Позволь спасти своего сына».

Проговаривая про себя эти слова, Тор почувствовал, что его испытывают, вынуждают собрать всю веру, призвать на помощь большую веру, чем он когда-либо имел. Как и прежде, давала его мать, отныне он был воином, и должен был выдержать воинское испытание.

Когда Тор закрыл глаза, мир вокруг начал замедлять движение, и он с удивлением почувствовал спокойствие и умиротворение в сердце бури. Он почувствовал, как внутри него зарождается жар и течет по венам, выходя через ладони. Он будто перестал помещаться в собственное тело.

Тор ощутил себя вне тела, смотрящим вниз на самого себя, катящегося по склону. В этот миг он осознал, что он – не тоже самое, что его тело. Он почувствовал себя чем-то более значительным.

Внезапно, Тор вернулся в тело, поднял ладони высоко над головой и стал наблюдать, как из них изливается сияющий белый свет. Он направил свет и создал шар вокруг себя и своих братьев. Как только он сделал это, селевой поток вдруг застыл, а река грязи остановилась перед световым щитом, и больше им не угрожала.

Они продолжали скользить, но уже гораздо медленнее, готовясь плавно остановиться на маленьком плато у подножия горы. Тор посмотрел вниз и увидел, что стоит по щиколотку в воде, которая продолжала подниматься и в считанные минуты дошла ему до колен.

Тор пораженно осматривался. Он посмотрел наверх, и увидел застывшую в воздухе стену грязи, будто готовую в любую секунду обрушиться вниз, но удерживаемую его световым шаром. Он вбирал в себя это зрелище, не веря, что такое ему удалось.

«Все живы?» – окликнул О'Коннор.

Тор увидел Риса, О'Коннора, Конвена, Матуса, Элдена и Индру, всех в синяках, пытающихся подняться на трясущиеся ноги, но невероятным образом живых, и даже без серьезных ранений. Они отирали лица, покрытые черной грязью, и выглядели так, будто только что

вылезли из шахты. Тор видел, как они благодарны, за то, что живы, и в глазах их читалось, что они приписывают свое спасение именно ему.

Опомнившись, Тор обернулся и бросил быстрый взгляд на вершину горы с единственной мыслью – о сыне.

«Как мы собираемся подниматься обратно..?» – начал было Матус.

Но прежде чем он успел закончить свой вопрос, Тор почувствовал, как внезапно что-то обернулось вокруг его лодыжек. Захваченный врасплох, он посмотрел вниз и увидел, как какое-то скользкое, толстое, жилистое существо обвивает его щиколотки и ползет всё выше и выше по голеням. В ужасе он рассматривал это длинное, походящее на угря создание, с двумя маленькими головами, шипящими двумя длинными языками, пока оно, в свою очередь, смотрело вверх на Тору и опутывало его своими щупальцами. Тор почувствовал жжение в ногах там, где существо к ним прикасалось.

Наконец-то включились рефлексy, и Тор вынул меч, и нанес удар, также, как и его спутники, на которых тоже напали. Тор пытался рубить осторожно, чтобы не задеть собственную ногу, и когда ему удалось отсечь одно из щупалец, угорь ослабил хватку и жуткая боль в лодыжках утихла. С шипением, угорь соскользнул обратно в воду.

О'Коннор достал свой лук, и начал стрелять по гадам, но не попадал, в то время как рядом стонал Элден, атакованный тремя угрями сразу.

Тор подбежал к ним и разрубил угря, карабкавшегося по ноге О'Коннора. Индра тоже сделала шаг вперед и крикнула Элдену: «Не шевелись!»

Она подняла свой лук и выпустила одну за другой три стрелы, точными попаданиями убив всех угрей, и только слегка поцарапав Элдену кожу.

«Ты совсем с ума сошла?» – заорал он. «Ты мне чуть ногу не отстрелила!»

Индра только улыбнулась.

«Но не отстрелила же, правда?» – бросила она в ответ.

Тор услышал новые всплески и, оглядевшись, был шокирован зрелищем многих дюжин угрей, поднимающихся из воды. Он понял, что пора было выбираться оттуда, и как можно скорее.

Тор чувствовал себя измотанным и истощенным после того, как призвал свою силу, и знал, что почти исчерпал ее запас. Он знал, что был еще недостаточно могущественным, чтобы пользоваться силой постоянно. Всё же, ему нужно было прибегнуть к ней еще раз, чего бы это ни стоило. Не сделай он этого, им никогда не подняться обратно, и все они умрут здесь, в луже с угрями, а у его сына не останется ни единого шанса. Вероятно, это отнимет все его силы, оставит слабым на долгие дни, но ему было все равно. Он думал о Гувейне там наверху, беспомощном, оставленном на милость дикарей, и знал, что пойдет на всё.

Когда новая группа угрей уже подползла к нему близко, Тор закрыл глаза и поднял ладони к небу.

«Именем единого Бога, – произнес Тор вслух, – я приказываю небесам разверзнуться! Я приказываю послать нам облака и поднять нас наверх!»

Тор говорил это низким глубоким голосом, больше не боясь принять свою сущность друида, и слова вибрировали у него в груди и в воздухе. В его груди поднялся невообразимый жар, и, произнося эти слова, он уже не сомневался, что они подействуют.

Раздался грохот, и Тор увидел, как небеса начали менять форму, приобретая темно-лиловый оттенок, как закружились и вспенились облака. В небе появилась круглое отверстие, и из него полился алый свет, а за ним оттуда появилось облако-воронка и опустилось прямо рядом с ними.

Через мгновение Тора и остальных затянуло в торнадо. Тор почувствовал влажность и мягкость обволакивающего его облака, почувствовал, как погружается в свет, а секунду спустя

ощутил, что висит в воздухе, легкий, как пёрышко. Он ощущал истинное единение со вселенной.

Тора всё поднимало и поднимало вдоль склона горы, мимо грязевых потоков, мимо его шара, к самой вершине. Меньше, чем за минуту облако подняло их на вершину вулкана, бережно опустило и тотчас рассеялось.

Тор остался стоять там вместе с братьями, которые смотрели на него с благоговейным трепетом, как будто он был богом.

Но Тор не думал о них. Он обернулся, быстро осмотрел плато, и сфокусировался на единственном, что его интересовало: на трех дикарях, которые стояли впереди, и плетеной колыбельке, которую они держали в руках над жерлом вулкана.

Тор издал боевой клич и бросился к ним. Первый дикарь повернулся к нему лицом и застыл от удивления. Воспользовавшись этим, Тор ни секунды не сомневаясь сделал бросок вперед и отрубил ему голову.

Двое других тоже обернулись, и их лица выражали ужас. Одному из них Тор пронзил сердце, а затем, вытаскивая меч, ударил другого рукоятью в лицо, опрокинув его через край жерла.

Тор успел схватить колыбель до того, как они уронили ее. Он заглянул внутрь, и сердце его билось радостно от того, что он успел вовремя. Еще чуть-чуть, и Гувейн должен был оказаться у него на руках.

Но когда Тор увидел дно колыбели, весь его мир разом разрушился.

Она была пуста.

Все вокруг застыло для Тора, когда он стоял там, в онемении.

Он заглянул в жерло вулкана, и увидел, как далеко внизу пляшут языки пламени. Он понял, что его сын мёртв.

«НЕТ!» – взвыл Тор.

Он упал на колени, обращая к небесам свой стон, выпуская из себя оглушительный крик, который эхом отражался от гор. Это был первобытный крик человека, потерявшего всё, ради чего стоит жить.

«ГУВЕЙН!»

Глава вторая

Высоко над одиноким островом посреди моря летел одинокий дракон – совсем маленький дракон, ещё не взрослый, но его пронзительный крик уже позволял представить, каким драконом он однажды станет. Это был триумфальный полёт: его маленькие чешуйки трепетали на ветру и росли с каждой минутой, его крылья развевались, а в когтях он сжимал самое большое сокровище, которым ему довелось обладать за свою короткую жизнь.

Ощущая тепло ноши когтями, он посмотрел вниз, чтобы проверить, всё ли в порядке с его драгоценностью. Услышав плач, и почувствовав толчки, он окончательно убедился в том, что младенец в его когтях цел и невредим.

«Гувейн!», – кричал мужчина.

Даже на высоте своего полета дракон мог расслышать отраженное горами эхо этих криков. Он гордился собой за то, что вовремя спас младенца, до того, как те люди успели воспользоваться своими кинжалами. Он выхватил Гувейна у них из рук в последнюю секунду. Он отлично справился с порученной ему работой.

Дракон взлетал всё выше и выше над одиноким островом, в облака, уже невидимый для людей внизу. Он летел над островом, над вулканами, над горными хребтами и туманами над ними, всё дальше и дальше.

Вскоре он уже летел над океаном, оставив маленький островок позади. Перед ним простирались бесконечные море и небо, и ничто не разнообразило пейзаж на многие тысячи миль.

Дракон точно знал, куда ему было нужно. У него было место, куда он собирался отнести ребёнка. Ребёнка, которого он уже безмерно любил.

Очень особенное место.

Глава третья

Волусия стояла над Ромулусом, удовлетворенно смотря сверху вниз на его труп, пока его еще теплая кровь стекала к ее ногам, прямо на выглядывающие из сандалий пальцы. Она наслаждалась моментом. В своем юном возрасте она уже сбилась со счета убитых ею, застигнутых врасплох, мужчин. Они всегда ее недооценивали, поэтому возможность проявить всю свою жестокость была одним из главных удовольствий в ее жизни.

А теперь она убила самого Великого Ромулуса – своей рукой, а не руками своих людей – Великого Ромулуса, человека-легенду, воина, убившего Андроникуса и захватившего трон. Верховного правителя Империи.

Волусия восторженно улыбалась. Вот он – верховный правитель, от которого осталась только лужа крови у ее босых ног. Пал от её руки.

Волусия ощутила прилив храбрости. По её венам тек огонь, а с ним – жажда разрушать. Она чувствовала, что её судьба уже спешит ей навстречу. Чувствовала, что настало её время. Она знала, так же твердо, как знала когда-то, что убьёт собственную мать, что однажды она возглавит Империю.

«Ты убила нашего повелителя!», – раздался дрожащий возглас. «Ты убила Великого Ромулуса!»

Волусия подняла глаза на полководца Ромулуса, который стоял рядом и не мог отвести от неё взгляда, полного смятения и почтительного ужаса.

«Ты убила», – сказал он упавшим голосом, «Того, Кого Невозможно Убить».

Волусия смотрела на него в ответ жёстко и холодно, а за ним видела сотни людей Ромулуса, с наилучшим снаряжением, выстроившихся на корабле, неотрывно следящих за ней, ожидая её следующего шага. Все они были готовы к атаке.

Полководец Ромулуса стоял на причале с дюжиной людей, ждущих его команды. Волусия знала, что за ней стоят тысячи её собственных солдат. Корабль Ромулуса, как бы хорош он ни был, здесь, в заливе, оказался в меньшинстве, окружённый со всех сторон. Они были в ловушке. Тут была территория Волусии, и они это знали. Они знали, что хоть атака, хоть попытка побега, будут безрезультатными.

«Это не тот поступок, который может остаться без ответа», – продолжил полководец. «У Ромулуса сейчас около миллиона верных подданных в Кольце. Ещё миллион – на юге, в столице Империи. Когда новость о том, что ты сделала, достигнет их, они мобилизуются и пойдут на тебя. Может, ты и убила Великого Ромулуса, но ты не убила его людей. Твои тысячи, хоть и превышают числом наши силы здесь сегодня, не смогут остановить его миллионов. Они захотят отомстить. И они свою месть получают».

«Неужели?», – спросила Волусия, улыбаясь, и сделала один шаг в его сторону, перебирая пальцами по эфесу меча, уже представляя, как она предвкушая, как она перережет ему горло.

Полководец взглянул на клинок в ее руке, клинок, который убил Ромулуса, и нервно сглотнул, будто прочитав её мысли. В его глазах она видела настоящий страх.

«Отпусти нас», – сказал он ей. «Пусть мои люди идут своей дорогой. Они не причинили тебе вреда. Наше молчание стоит один корабль, гружённый золотом. Мы поплывём в столицу, и я скажу всем, что ты невиновна. Что Ромулус первым попытался напасть. Они оставят тебя в покое, ты сможешь жить мирно на севере, а они найдут для Империи нового Верховного правителя».

Волусию это очень развеселило.

«А ты, по-твоему, сейчасмотришь не на своего нового Верховного правителя?», – спросила она.

Полководец снова посмотрел на неё с глубоким удивлением, и, в конце концов, у него вырвался короткий смешок.

«Ты?», – переспросил он. «Ты всего лишь девчонка с парой тысяч солдат. Думаешь, убив его одного, ты сокрушишь миллионы Ромулуса? Тебе повезёт просто остаться в живых после того, что ты сегодня натворила. Я предлагаю тебе подарок. Покончим с глупостями, прими его благодарно и отпусти нас восвояси, пока я не передумал».

«А если мне не хочется отпускать вас восвояси?»

Полководец встретился с ней взглядом и снова сглотнул.

«Можешь убить всех нас здесь», – сказал он. «Выбор за тобой. Но если ты так поступишь, то только угробишь себя и своих людей. Армия, которая придёт за нами, сотрёт тебя в порошок».

«Он говорит правду, моя госпожа», – прошептал кто-то ей в ухо.

Она обернулась и увидела Соку, её главнокомандующего, стоящего с ней бок о бок. Это был высокий зеленоглазый мужчина, с челюстью воина, и короткими курчавыми рыжими волосами.

«Отправьте их на юг», – сказал он. «Дайте им золота. Вы убили Ромулуса. Теперь нужно выторговать перемирие. У нас нет выбора».

Волусия снова развернулась к людям Ромулуса, и принялась пристально их изучать, наслаждаясь моментом.

«Я сделаю, как ты просишь», – сказала она, «и отправлю вас в столицу».

Полководец довольно ухмыльнулся в ответ, и уже собирался идти, как Волусия остановила его и добавила:

«Но не для того, чтобы скрыть мой поступок».

Он замер и посмотрел на неё в замешательстве.

«Я пошлю вас в столицу, чтобы передать сообщение: пусть знают, что я теперь Верховная правительница Империи. Если они преклонят передо мной колени, то, возможно, сохранят себе жизнь».

Полководец ошеломлённо взглянул на неё, потом покачал головой и улыбнулся.

«Ты такая же сумасшедшая, какой, по слухам, была твоя мать», – ответил он, развернулся, и направился к длинному трапу, обратно на свой корабль. «Загрузи золотом нижние трюмы», – добавил он, даже не потрудившись к ней обернуться.

Волусия, тем временем, повернулась к своему командующему лучниками, который стоял и терпеливо ждал её приказа, и коротко ему кивнула.

Тотчас командующий дал знак своим людям, и воздух со свистом пронзили десять тысяч стрел: их поджигали и выпускали одну за другой.

Стрелы затмили небо, образовав пламенную дугу, по которой они достигали корабля Ромулуса. Всё произошло молниеносно, и никто из его людей не успел отреагировать, так что вскоре весь корабль полыхал, солдаты вместе со своим командиром с громкими стонами металась по кораблю, без путей к спасению, в попытках потушить пламя.

Это было бесполезно. Волусия снова кивнула, и новая лавина стрел взвилась в воздух, накрывая горящий корабль. Люди вскрикивали, пронзаемые стрелами, и падали кто на палубу, а кто – за борт. В этой бойне выживших не было.

Волусия стояла и ухмылялась, удовлетворённо глядя на тлеющий от днища до мачты корабль, от которого вскоре остался только обожжённый скелет.

Всё стихло, когда люди Волусии прекратили огонь и выстроились, глядя на неё и терпеливо ожидая приказа.

Волусия сделала шаг вперед, достала свой меч и перерубила канат, привязывавший корабль к пирсу. Корабль был освобождён, и Волусия подтолкнула его в море своим золочёным ботинком.

Волусия наблюдала, как течение подхватило корабль, и он начал движение. Она знала, что течение принесёт его на юг, прямо в сердце столицы. Все там увидят сгоревший корабль, тело Ромулуса, стрелы Волусии, и поймут, что он приплыл от неё. Они будут оповещены о начале войны.

Волусия обернулась к Соку, стоявшему у неё за спиной с открытым ртом, и улыбнулась. «Вот так я предлагаю мир», – сказала она.

Глава четвёртая

Гвендолин стояла на коленях на корме, хватаясь за перила, собирая все силы, чтобы подняться и, перегнувшись через борт, посмотреть на горизонт. Всё её тело дрожало, истощенное голодом, голова кружилась, и, смотря вдаль, она чувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Кое-как она нашла в себе силы встать на ноги, и попыталась рассмотреть, что же там впереди.

Гвендолин прищурилась, всматриваясь в туман, сомневаясь, реальную ли она видит картину или очередной мираж.

Там, на горизонте, виднелся бесконечной ширины берег, в центре которого, в просторном заливе, помещался оживлённый порт. Две сверкающих золотом колонны тянулись к небу, обрамляя возвышавшийся позади них город. Когда солнце опустилось ниже, и колонны, и город приобрели желтовато-зелёный оттенок. Гвен отметила, что облака в этих местах двигались очень быстро. Сейчас она не могла сказать, действительно ли небо в этой части мира было другим, или это были игры её ослабленного сознания.

В заливе рядом с городом стояла сотня гордых кораблей, все с мачтами такой высоты, каких ей ещё не приходилось видеть. Это был самый процветающий город из всех, что она знала, построенный у самой кромки моря, и, казалось, не имевший больше границ, подчинивший себе даже океан. По сравнению с ним Королевский Двор выглядел деревней. Гвен и представить не могла, что столько строений может быть в одном месте. Ей было любопытно, что за люди там жили, ведь это должна была быть великая нация. Имперская нация.

Внезапно, Гвен животом ощутила толчок, и поняла, что их подхватило течение. Вскоре их затянет в огромный залив, в окружение всех этих кораблей, где их возьмут в плен и, возможно, убьют. Гвен вспомнила, насколько жесток был Андроникус и насколько жесток был Ромулус, и подумала, что именно так и поступают в Империи. Ей пришло в голову, что умереть в море, было, наверное, лучшим жребием.

Гвен услышала шарканье подошв по палубе, и, обернувшись, увидела Сандару – бледную от голода, но стоящую прямо и гордо у перил. В руках она держала огромную золотую реликвию в виде бычьих рогов, и наклоняла её из стороны в сторону, пытаясь поймать солнце. Гвен видела, как солнечные вспышки одна за другой отражаются от золотой поверхности, посылая сигнал на далёкий берег. Сандара целилась не в город, а севернее, в сторону уединённой рощи у самой воды.

Беки Гвен налились тяжестью, и начали закрываться. Её начало клонить к палубе, и она с трудом держалась на границе между бредом и явью, отгоняя от себя видения. Она уже не знала, что было настоящим, а что ей мерещилось от голода. Гвен видела, как не меньше дюжины каноэ показалось из-под купола джунглей и направилось, раскачиваясь на волнах, к её кораблю. Она разглядела их получше, когда они приблизились, и удивилась, что это была не раса имперцев, не крупные краснокожие воины с рогами, а кто-то совсем другой. Она увидела гордых, жилистых мужчин и женщин, с кожей оттенка шоколада и сияющими жёлтыми глазами. Лица у них были умные и сочувственные, и все они направлялись к ней, чтобы её поприветствовать. Гвен увидела, что Сандара узнала этих людей, и поняла, что это был народ Сандары.

Гвен услышала глухой стук – несколько крюков зацепились за борт корабля, и он теперь был привязан крепившимися к ним верёвками. Она почувствовала, что корабль меняет курс, нагнулась вниз и увидела флотилию каяков, которые теперь тянули её судно, уводя его в противоположную сторону от имперского города. Постепенно Гвен начала понимать, что народ Сандары пришёл им на помощь, чтобы увести корабль в другую бухту, подальше от Империи.

Гвен почувствовала, что корабль устремился точно на север, к стене густой зелени, в направлении маленькой укромной бухты. Она облегчённо закрыла глаза.

Вскоре, она их открыла вновь – теперь она стояла, перегнувшись через перила, и видела, буксируют её корабль. Обессиленная, она нагнулась слишком далеко и потеряла равновесие. Её глаза расширились от ужаса – она поняла, что падает за борт. Гвен ухватилась за перекладину перил, но было уже поздно, и остановить падение она не могла. Сердце Гвен отчаянно колотилось. Она не верила, что после всех испытаний, что ей довелось пережить, она умрёт именно так – тихо соскользнув в море совсем близко от берега.

Уже падая она друг услышала рычание и ощутила, как чьи-то мощные зубы вцепились в её рубашку на спине, и кто-то, поскуливая, отдёргнул её назад, от бездны, и повалил обратно на палубу. Она со стуком рухнула спиной на деревянный настил, целая и невредимая.

Она увидела стоящего над ней Крона, и её захлестнула радость. Крон был жив, и она была счастлива это узнать. Он сильно отощал с тех пор, как Гвен его видела в последний раз, и она осознала, что совсем потеряла его в происходившем хаосе. Последний раз, когда она его видела, забился под корму в особенно свирепый шторм. Скорее всего, всё это время он прятался где-то, отказываясь от пищи, чтобы другим досталось больше. В этом был весь Крон – сама самоотверженность. Но теперь, когда они снова приблизились к берегу, он снова дал о себе знать.

Крон скулил и облизывал ей лицо, а Гвен обнимала его из последних сил. Она снова легла, и Крон – рядом с ней. Поскуливая, он положил голову ей на грудь и прижался к ней так, будто она была последним человеком на земле.

* * *

Гвендолин почувствовала, как прохладная и сладкая влага щекочет её губы и стекает по щекам на шею. Она открыла рот и начала пить, жадно глотая, постепенно просыпаясь.

Не переставая пить, Гвен открыла глаза, и увидела над собой лица незнакомых людей. Она пила и пила, пока не закашлялась.

Кто-то помог ей подняться, и она села, пытаясь остановить кашель. Кто-то похлопал её по спине.

«Тсс...», – сказал голос. «Пей медленно».

Это был мягкий голос, голос лекаря. Гвен оглянулась и увидела пожилого мужчину с улыбающимся лицом, испещренным мелкими морщинками.

Гвен осмотрелась и увидела дюжины чужих лиц – народ Сандары – которые молча её разглядывали, будто она была какой-то диковинкой. Гвендолин, одолеваемая голодом и жаждой, как сумасшедшая схватилась за бурдюк и вливала себе в рот сладкую жидкость, чем бы она ни была. Она пила и пила, прикусывая горлышко, будто больше её в жизни пить не придётся.

«Теперь спокойнее», – произнёс мужской голос. «Иначе тебе станет плохо».

Гвен смотрела, как дюжины воинов, людей Сандары, располагаются у неё на корабле. Она видела и своих людей, выживших из Кольца, лежащих или сидящих, рядом с каждым из которых был кто-то из людей Сандары, которые ухаживали за ними и подавали бурдюки с жидкостью. Все они сейчас практически возвращались с того света. Среди них Гвен увидела Иллепру, держащую на руках и кормящую младенца, которого Гвен спасла на Верхних островах. Услышав детский плач, Гвен испытала облегчение. Она передала маленькую девочку Иллепре, когда была уже слишком слаба, чтобы заботиться о ней, и мысль о том, что девочка выжила, напомнило Гвен о Гувейне. Она твёрдо решила, что хоть эта малышка должна жить.

С каждым мгновением силы возвращались к Гвен. Она привсталала и выпила ещё жидкости, гадая, из чего же она была сделана, и сердце её наполнилось благодарностью к людям, которые спасли их жизни.

Рядом с Гвен раздался стон, и, опустив взгляд, она увидела, что голова Крона всё ещё лежит у неё на коленях. Она потянулась за бурдюком и дала ему попить, а он ответил ей благо-

дарным взглядом. Она с любовью потрепала его по затылку – в который раз он спас ей жизнь. В этот момент Крон напомнил ей о Торе.

Гвен наблюдала за людьми Сандары и не знала, как их отблагодарить.

«Вы спасли нас», – сказала она. «Мы обязаны вам жизнью».

Гвен обернулась и посмотрела на Сандару, которая подошла и опустилась на колени рядом с ней. Сандара покачала головой.

«Мой народ не признаёт долгов», – сказала она. «Они верят, что помочь кому-то в беде – это честь».

Народ расступился, и Гвен увидела приближающегося к ней сурового мужчину возрастом около пятидесяти лет, с выдающейся челюстью и тонкими губами, который, по-видимому, был их лидером. На нём было массивное бирюзовое ожерелье из переливающихся на солнце ракушек. Он кивнул ей, устроился рядом, и принялся сочувственно рассматривать своими жёлтыми глазами.

«Я Бокбу», – сказал он глубоким властным голосом. «Мы ответили на зов Сандары, потому что она – одна из нас. Спасая вас мы очень рискуем. Если кто-то из Империи сейчас нас заметит, нас всех убьют».

Бокбу поднялся, держа руки на бёдрах, и Гвен тоже медленно встала, поддерживаемая Сандарой и лекарем, и посмотрела ему в глаза. Бокбу огляделся и вздохнул от жалкого зрелища, которое представляли её корабль и экипаж.

«Им уже лучше, и они должны уйти», – раздался ещё один голос.

Гвен обернулась на голос и увидела мускулистого воина с копьём в руках. Как и на остальных, на нём не было рубашки. Он подошёл к Бокбу и холодно взглянул на него.

«Отошли этих чужеземцев обратно за море», – добавил он. «Зачем нам проливать за них кровь?»

«Я твоей крови», – сказала Сандара, выходя вперед и испытующе глядя на воина.

«Именно поэтому тебе не стоило приводить сюда этих людей и подвергать нас опасности», – бросил он в ответ.

«Ты позоришь наш народ», – сказала Сандара. «Ты забыл законы гостеприимства?»

«Позор – то, что ты привела их сюда», – парировал он.

Бокбу жестом приказал им обоим замолчать.

Лицо Бокбу было непроницаемым – казалось, он глубоко задумался. Гвендолин наблюдала за происходящим и осознала, в каком непростом положении они оказались. Отплыть обратно в море означало бы умереть, но ей, тем не менее, не хотелось подвергать опасности людей, которые пришли ей на помощь.

«Мы не хотели для вас неприятностей», – сказала она Бокбу. «Я не хочу заставлять вас рисковать. Мы можем немедленно уплыть».

Бокбу покачал головой.

«Нет», – ответил он Гвен, глядя на неё с любопытством. «Зачем ты привела сюда своих людей?»

Гвен вздохнула.

«Мы бежали от огромной армии», – ответила она. «Они уничтожили нашу родину. Мы приплыли сюда в поисках нового дома».

«Вы приплыли не туда», – сказал воин. «Здесь вашему дому не бывать».

«Молчать!», – перебил его Бокбу, и его суровый взгляд заставил воина притихнуть.

Бокбу повернулся к Гвендолин и встретился с ней глазами.

«Ты гордая и благородная женщина», – обратился он к ней. «Я вижу, что ты лидер, и ты мудро правишь своими людьми. Если вы повернёте обратно в море, вы, несомненно, умрёте. Может, не прямо сегодня, но в течение нескольких дней».

Гвендолин смотрела на него непреклонно.

«Значит, мы умрём», – ответила она. «Я не позволю твоим людям жертвовать своими жизнями ради наших».

Она не отрывала от него твёрдого взгляда, скрывая свои настоящие эмоции и черпая силы в своём благородстве и гордости. Она заметила, что Бокбу смотрел на неё с уважением. В воздухе повисла напряжённая тишина.

«Я вижу, что в твоих жилах течёт кровь воительницы», – сказал он. «Ты останешься с нами. Пусть твои люди наберутся сил, сколько бы времени на это не понадобилось».

«Но, вождь...», – начал было воин.

Бокбу ответил ему резким взглядом.

«Я принял решение».

«Но их корабль!», – возразил он. «Если он останется в заливе, имперцы его заметят. «Мы все умрём ещё до новолуния!»

Вождь окинул взглядом корабль, от мачты до кормы, взвешивая его слова. Гвен в это время изучала пейзаж, открывшийся им, когда они вошли в скрытую бухту, окружённую густой стеной леса. Она обернулась и увидела за спиной открытое море. Она знала, что мужчина прав.

Вождь посмотрел на неё.

«Хочешь спасти своих людей?», – спросил он.

Гвен утвердительно кивнула.

«Да».

Он кивнул ей в ответ.

«Лидерам приходится принимать сложные решения», – сказал он. «Сейчас твоё черёд. Ты хочешь остаться с нами, но твой корабль угробит нас всех. Мы приглашаем тебя на берег, но корабль не может тут остаться. Ты должна его сжечь. Тогда мы тебя примем».

От этой мысли Гвендолин упала духом. Она смотрела на свой корабль, который перенёс их через море, спас её народ за полмира отсюда, и сердце её ныло. В ней боролись противоречивые эмоции. Этот корабль был единственным способом выбраться отсюда.

Но что делать потом, если они уплывут? Снова направиться в бесконечный океан на верную смерть? Её люди едва могли ходить, им нужно было прийти в себя. Им нужен был причал и приют. И если сжечь корабль было ценой, которую нужно заплатить, значит так и будет. Если они решат снова выйти в море, то найдут другой корабль или построят новый – сделают всё, что будет нужно. А сейчас им нужно было выжить. Вот что было главным.

Гвендолин посмотрела на вождя и скорбно кивнула.

«Да будет так».

Бокбу ответил ей взглядом, полным глубокого уважения. Он обернулся, дал команду своим людям, и всё вокруг него пришло в действие. Люди рассредоточились по кораблю, помогая членам Кольца, поднимая их на ноги и спуская по трапу на песчаный берег. Гвен стояла и смотрела, как Годфри, Кендрик, Брандт, Атме, Абертол, Иллепра, Сандара и остальные любимые ею люди проходили мимо.

Она стояла и ждала, пока все до одного не покинули корабль, пока там не остались только она, Крон у её ног и вождь.

Бокбу уже держал зажжённый факел, поданный одним из его людей.

«Нет», – сказала Гвен, схватив его за запястье.

Он удивился.

«Я лидер, и должна сделать это сама», – объяснила она.

Гвен осторожно приняла тяжёлый горящий факел у него из рук, отвернулась на секунду, чтобы вытереть слезу, и подожгла один из парус на корме.

Гвен стояла и смотрела, как пламя охватило парус, и начало быстро распространяться на весь корабль.

Жар быстро усиливался. Она бросила факел, и пошла к трапу, а Крон и Бокбу последовали за ней. Она спустилась на пляж. Это место должно было стать их новым домом, во целом мире им больше некуда было деться.

Когда она осматривалась в чужих джунглях и прислушивалась к незнакомым крикам птиц и животных, которых прежде не видела, в голове у неё звучал один вопрос:

«Сможем ли мы построить тут дом?»

Глава пятая

Алистер стояла коленями на камне, дрожа от холода, и смотрела как первые лучи первого из солнц постепенно заливали Южные острова, освещая горы и долины мягким сиянием. Она стояла на четвереньках. Её руки, закованные в деревянные колодки, тряслись, а её шея лежала там, где до неё лежало множество других шей. Глядя вниз она могла видеть пятна крови и зарубки на кедровой древесине, в местах, куда раньше опускались лезвия. Она ощущала магическую энергетику этого дерева, когда касалась его шеей, переживала последние мгновения, последние эмоции всех казнённых, когда-либо там лежавших. Сердце её разрывалось от страданий.

Алистер подняла гордый взгляд и стала смотреть на свой последний восход солнца, на зарождение нового дня. Знание того, что больше она этого никогда не увидит, было каким-то сюрреальным. Никогда в жизни восход не казался ей столь прекрасным. Этим прохладным утром, под дуновениями нежного бриза, Южные острова выглядели невероятно красиво. Для неё они были лучшим местом из всех, где она бывала: деревья пестрели оранжевым, красным, розовым и пурпурным, потому что с них обильно свисали зрелые плоды, лиловые утренние птицы и огромные жёлтые пчёлы уже наполняли воздух звуками, а до её носа доносился сладкий аромат цветов. Туман переливался в лучах света, придавая всему магический ореол. Она никогда раньше не чувствовала такую любовь к какому-то месту, и знала, что на этой земле она могла бы прожить вечность.

Алистер услышала шарканье сапог по камням и перевела взгляд в сторону, на приближавшегося к ней Бауэра, в одной руке небрежно держащего огромный двусторонний топор. Он подошёл к ней, посмотрел сверху вниз и нахмурился.

Позади него Алистер могла разглядеть сотни преданных ему жителей Южных островов, выстроившихся полукругом на широкой мощёной камнем площади. Все они были не меньше чем в двадцати ярдах от неё, так, что на просторной площадке оставались только она и Бауэр. Никто не хотел быть слишком близко, чтобы кровь не забрызгала.

Рука, в которой Бауэр держал топор, чесалась – ему определённо хотелось поскорее покончить со всем этим. В его глазах она читала затмившее всё желание стать королём.

Алистер радовалась одному: как бы несправедливо это ни было, её жертва позволит выжить Эреку. Это значило для неё больше, чем собственная жизнь.

Бауэр сделал шаг вперёд, низко наклонился и прошептал ей так тихо, чтобы больше никто не услышал:

«Не сомневайся, я нанесу точный последний удар», – сказал он, щекоча своим зловонным дыханием её шею. «И тебе, и Эреку».

Алистер подняла на него взгляд, полный замешательства и тревоги.

Он улыбнулся ей едва видимой, припасённой лично для неё улыбкой.

«Именно так», – прошептал он. «Это может случиться не сегодня, а многие дни спустя. Но однажды, когда он меньше всего будет этого ожидать, твой муж обнаружит нож в своей спине. Я хотел, чтобы ты это узнала, прежде чем я отправлю тебя прямиком в пекло».

Бауэр отошёл на два шага, крепко сжал древко топора в руках, и поворачивал головой, разминаясь перед ударом.

Сердце Алистер бешено колотилось. Там, стоя на коленях, она думала о том, насколько же ужасным человеком он был. Не только тщеславным, но ещё и трусливым лжецом.

«Освободи её!» – потребовал взявшийся из ниоткуда голос, пронзив утреннюю тишину.

Алистер обернулась, насколько могла, и увидела, что в толпе возник беспорядок от того, что две фигуры пытались протолкнуться к площадке, пока их не остановили крепкие руки

телохранителей Бауэра. Алистер была удивлена и благодарна увидеть мать и сестру Эрека, стоящих там с исступлёнными лицами.

«Она невиновна!» – выкрикнула его мать. «Не смей её убивать!»

«Ты убьёшь женщину?!» – прокричала Дофин. «Она иностранка. Отпусти её. Отправь её обратно домой. Не нужно впутывать её в наши дела».

Бауэр обернулся к ним и проревел:

«Она иностранка, посягнувшая на королевский трон. Желавшая убить нашего бывшего короля».

«Ты лжец!» – кричала мать Эрека. «Тебе не пить из источника правды!»

Бауэр пробежал глазами по лицам в толпе.

«Кто-нибудь ещё хочет опровергнуть мои слова?» – воскликнул он, вызываясь глядя на всех.

Алистер с надеждой оглядывалась, но, один за другим, все храбрые воины, преимущественно, соплеменники Бауэра, опускали глаза, потому что никто не хотел сойтись с ним в схватке.

«Я ваш чемпион», – громогласно сказал Бауэр. «Я одолел всех соперников в турнирный день. Среди вас нет никого, кто смог бы меня победить. Ни единого человека. Если есть, пусть примет вызов и выйдет вперед».

«Никого, кроме Эрека!» – отозвалась Дофин.

«И где он сейчас? На смертном одре. Нам, жителям Южных островов, не нужен король-инвалид. Я ваш король. Я ваш следующий чемпион. По законам этой земли. Также, как мой дед был королём до отца Эрека».

Мать Эрека и Дофин попытались прорваться вперёд, чтобы остановить его, но охрана схватила их и оттащила назад, задерживая. Алистер увидела, что кроме них руки за спиной связали и брату Эрека, Строму. Он сопротивлялся, но не мог вырваться.

«Ты за это заплатишь, Бауэр!», – кричал Стром.

Но Бауэр не обратил на него внимания. Вместо этого он вернулся к Алистер, и по его глазам она поняла, что он был настроен продолжить. Её время истекло.

«Время – опасная вещь, если ты полагаешься на обман», – сказала ему Алистер.

Он нахмурился – очевидно, эта фраза задела его за живое.

«Это будут твои последние слова», – ответил он.

Бауэр резко занёс топор высоко над головой.

Алистер зажмурилась, зная, что через какой-то миг её не станет в этом мире.

С закрытыми глазами ей показалось, что время замедлилось. В голове сменялись разные образы. Алистер увидела, как впервые встретила мать Эрека, ещё в Кольце, в замке герцога, где она была простой служанкой и влюбилась в его с первого взгляда. Она полюбила его, и по сей день чувствовала, как эта любовь горит у неё внутри. Она увидела своего брата Торгрина, его лицо. Почему-то, он был не на Королевском дворе, но в далёких землях, за океаном, изгнанный из Кольца. Дольше всего ей виделась её мать. Она стояла на краю скалы перед замком, высоко над океаном, в начале смотровой площадки. Она протягивала к Алистер руки и тепло улыбалась.

«Дочь моя», – сказала она.

«Мама», – ответила Алистер. «Я пришла к тебе».

Но, к её удивлению, мать отрицательно покачала головой.

«Твоё время ещё не пришло», – сказала она. «Ты ещё не выполнила свою миссию на земле. У тебя впереди великая судьба».

«Но как, мама?» – спросила она. «Как мне выжить?»

«Ты больше, чем эта земля», – ответила её мать. «Это лезвие, смертоносный металл, принадлежит этой земле. Твои оковы с этой земли. Всё это – земные ограничения. Они сдер-

живают тебя, только если ты в них веришь, если позволяешь иметь над собой власть. Твой дух – это свет и энергия. В них твоё настоящее могущество. Ты выше всего этого. Сейчас ты позволяешь удерживать себя физически. Тебе не хватает не силы, а веры. Веры в себя. Насколько сильна твоя вера?»

Алистер стояла на коленях, дрожа, с закрытыми глазами, а в голове её звучал вопрос матери.

Насколько сильна твоя вера?

Алистер отпустила себя, забыла о своих оковах, отдалась в руки вере. Постепенно, она перенесла свою веру с физических ограничений этой планеты на высшую силу, единственную высшую силу, которой подчинялся остальной мир. Она знала, что сила создала этот мир. Сила создала всё это. Ей нужно было настроиться на эту силу.

И у неё получилось. Через долю секунды Алистер ощутила тепло, растекающееся по телу. Её охватил огонь, сделав непобедимой и способной на всё. Она почувствовала, как языки пламени выходят у неё из ладоней, как гудит в голове от сильного жара, скопившегося во лбу, между глаз. Она чувствовала себя сильнее всего на свете, сильнее своих оков, всех материальных вещей.

Алистер открыла глаза и время снова ускорилося. Посмотрев вверх она увидела Бауэра, готового опустить топор, с ухмылкой на лице.

Одним движением Алистер развернулась и подняла руки, и на этот раз её колодки с треском порвались, будто были всего лишь прутиками. В ту же секунду она вскочила на ноги и направила одну ладонь на Бауэра. В момент, когда его топор уже со свистом понёсся вниз, случилось нечто невероятное – он рассыпался. Превратился в пепел и пыль и упал к её ногам.

Бауэр нанёс удар, но поскольку в руках у него было пусто, он потерял равновесие и упал на колени.

Алистер огляделась и взгляд её приковал меч на другой стороне площадки, на поясе одного из воинов. Она протянула руку и велела ему лететь к ней. Меч поднялся из ножен и, проплыв по воздуху, лёг прямо в её протянутую ладонь.

Не мешкая, Алистер ухватила меч, высоко замахнулась и опустила его на беззащитную шею Бауэра.

В толпе пронёсся вздох ужаса, когда они услышали звук стали, врезающейся в плоть, и обезглавленный Бауэр сполз на землю, мёртвый.

Он лежал ровно на том же месте, где секундами ранее хотел, чтобы лежала мёртвая Алистер.

Из толпы раздался крик, и Алистер увидела, что Дофин вырвалась из рук солдата, выхватила кинжал у него с пояса и перерезала ему глотку. Тем же движением она рассекла верёвки, опутывавшие Строма. Тот немедленно потянулся назад, схватил меч другого солдата, и одним ударом с разворота убил троих людей Бауэра, пока они не успели опомниться.

После смерти Бауэра в толпе наступил момент замешательства, потому что им было неясно, что делать дальше. Потом начали разноситься всё больше и больше возгласов, и стало ясно, что его смерть придавала храбрости тем, кто служил ему против воли. Им нужно было пересмотреть свои взгляды, особенно в виду того, что дюжины преданных Эреку воинов пробивались через ряды стоявших, и становились плечом к плечу со Стромом, чтобы драться с приверженцами Бауэра.

Перевес быстро оказался на стороне людей Эрека, потому что на их сторону переходили отдельные воины и целые ряды. Люди Бауэра покинули свои позиции и побежали прочь через равнину к скалистым горам. Стром и его соратники гнались за ними попятям.

Алистер стояла, по-прежнему с мечом в руках, и смотрела на начало великой битвы: на холмах и в низинах, в деревнях слышались крики и трубил рог, эхом накрывая весь остров,

который, казалось, разом объединился и поднялся на борьбу с обеих сторон. Звон доспехов и крики умирающих наполнили утро, и Алистер знала, что началась гражданская война.

Алистер держала меч высоко в лучах солнца, она знала, что спаслась благодаря милости Бога. Она чувствовала себя родившейся заново, более могущественной чем раньше, и слышала зов своей судьбы. Она была полна оптимизма. Людей Бауэра уничтожат, в этом она не сомневалась. Справедливость восторжествует. Эрек выздоровеет. Они поженятся. И скоро она станет Королевой Южных Островов.

Глава шестая

Дариус бежал по колее в грязи, удаляясь от своей деревни по следам Волусии, с твёрдым намерением спасти Лоти и убить её похитителей. Он бежал с мечом в руке – с *настоящим* мечом, сделанным из *настоящего* металла – и это был первый раз в жизни, когда настоящий металл попал в его распоряжение. Это само по себе был достаточным основанием для того, чтобы расправиться и с ним, и со всей его деревней. Сталь была под запретом – даже его отец и дед боялись хранить её у себя – и Дариус знал, что пересёк черту, за которой не будет возврата.

Но Дариусу было уже всё равно. В его жизни было слишком много несправедливости. После исчезновения Лоти он не мог думать ни о чём, кроме её возвращения. Он едва успел узнать её, но, странным образом ему казалось, что она была с ним всю жизнь. Одно дело, если бы его самого забрали в рабство, но забрать её – это было уже слишком. Он не мог отпустить её и не перестать себя уважать. Пусть он и был ещё мальчиком, и понимал это, но он уже был на пути к тому, чтобы стать мужчиной. Именно эти решения, осознал он, эти сложные решения, которые больше никто не желал принимать, и были ступеньками к настоящей мужественности.

Дариус бежал один по дороге, пот застилал его глаза, дыхание его было тяжёлым. Он готов был в одиночку сразиться с целой армией, с целым городом. Других вариантов не было. Ему нужно было найти Лоти и вернуть её обратно или умереть, пытаясь это сделать. Он знал, что если потерпит неудачу (хотя, впрочем, и если ему повезёт – тоже) он навлечёт месть на всю свою деревню, семью, и весь народ. Если бы не эта мысль, он бы уже, наверное, повернул назад.

Но им двигал не только инстинкт самосохранения, и даже не забота о безопасности семьи и народа. Им двигала жажда справедливости. Свободы. Желание сбросить угнетателей и стать свободным, хоть на одно мгновение за всю жизнь. Если не ради себя, то ради Лоти. Ради её свободы.

Дариус был во власти страсти, а не логики. Где-то там была любовь всей его жизни, и он достаточно настрадался от Империи. Сейчас ему было плевать на любые последствия. Он должен был показать им, что в его народе есть как минимум один мужчина, хоть один, пусть ещё и совсем юный, который не потерпит их издевательств.

Дариус всё бежал и бежал, петляя знакомыми полями, к окраинам территории Волусии. Он знал, что даже если его просто заметят в этих местах, так близко к Волусии, то уже приговорят к смерти. Он следовал за колеей с удвоенной скоростью, различая следы зертов близко друг к другу – это означало, что двигались они медленно. Если он поторопится, то сможет их догнать.

Задыхаясь, Дариус обогнул холм, и, наконец, заметил вдалеке то, что искал: ярдах в ста от него стояла Лоти, с цепью на шее и в железных колодках, цепь от которых тянулась добрых двадцать футов и крепилась к сбруе на спине зерта. Верхом на зерте сидел имперский надзиратель, тот, который увёз её. Он сидел к ней спиной, а рядом с ним шли ещё двое солдат Империи в толстых чёрных с золотом имперских доспехах, сверкавших на солнце. Каждый из них был вдвое крупнее Дариуса – великолепные воины, с лучшим оружием и зертами под рукой. Понадобилась бы целая толпа рабов, чтобы их одолеть.

Но Дариус не позволил страху вмешаться. У него не было ничего, кроме силы духа и яростной решительности, и он был намерен этим обойтись.

Дариус бежал и бежал, нагоняя ничего не подозревавшую процессию, и скоро приблизился к ним вплотную, подбежал к Лоти сзади, высоко поднял меч и, пока она поражённо смотрела на него, перерубил цепь, приковывавшую её к зерту.

Лоти вскрикнула и отпрыгнула, шокированная произошедшим, а Дариус рубил цепи, освобождая её, и громкий звон металла пронзал воздух. Лоти была свободна, только обрывок цепи всё ещё свисал с ошейника её на грудь.

Дариус обернулся и увидел не менее поражённое лицо надзирателя, наблюдавшего с высоты своего места на зерте. Солдаты, шедшие за ним, тоже остановились, обескураженные видом Дариуса.

Дариус стоял между ними и Лоти, сжимая меч трясущимися руками прямо перед собой, не намеренный выказать свой страх.

«Она вам не принадлежит», – крикнул Дариус дрожащим голосом. «Она свободная женщина. Мы все свободны!»

Солдаты переглянулись с надзирателем.

«Мальчик, – обратился он к Дариусу, – ты только что совершил самую большую ошибку в своей жизни».

Он кивнул солдатам, и они подняли мечи, направляясь к Дариусу.

Дариус не сдвинулся, выставив вперёд меч не слушающимися руками, и в этот момент почувствовал, что сейчас за ним с небес наблюдают его предки. Он ощутил на себе взгляды все когда-либо убитых рабов и их поддержку. И внутри него начал подниматься жар.

Дариус почувствовал, как просыпается скрытая в глубине сила и требует, чтобы её призывали. Но он себе этого не позволил. Он хотел драться с ними один на один, как настоящий мужчина, настоящим металлическим оружием, и одолеть их по их же правилам. Он всегда был быстрее всех старших мальчишек, с их деревянными мечами в мускулистых руках, даже тех, кто был в два раза его больше. Он стал поустойчивее и сосредоточился в ожидании атаки.

«Лоти!» – крикнул он. «БЕГИ! Возвращайся в деревню!»

«НЕТ!» – прокричала она в ответ.

Дариус решил, что должен что-то предпринять, а не просто стоять и ждать, пока они подбегут. Он должен был удивить их, сделать что-то неожиданное.

Он резко рванулся вперёд, выбрав одного из двух нёсшихся на него солдат. Они сошлись посередине грязевого островка, и Дариус издал боевой клич. Солдат занёс меч над головой Дариуса, но тот успел поднять свой клинок и остановить удар, выбив искру. Дариус в первый раз видел, как взаимодействует металл с металлом. Лезвие оказалось тяжелее, а удар солдата – сильнее, чем он ожидал, и мощная вибрация прошла через всю его руку, от локтя до плеча. Это застало его врасплох.

Солдат быстро раскрутился, намереваясь ударить Дариуса сбоку, и Дариус, в повороте, заблокировал и этот удар. Это было вовсе не похоже на учебный бой с братьями. Под весом меча Дариус чувствовал, что двигается медленней, чем обычно. Ему нужно было привыкнуть. Солдат, казалось, был вдвое быстрее его.

Солдат снова замахнулся, и Дариус понял, что такой обмен ударами не принесет ему победу, нужно было задействовать другие умения.

Дариус отступил в сторону, пригнувшись, вместо того, чтобы отбить удар, и локтем двинул солдата в горло. Попадание было идеальным. Мужчина закашлялся и отступил, согнувшись пополам и хватаясь за шею. Дариус поднял рукоять меча и опустил её на подставленную спину солдата, и тот упал лицом в грязь.

В это же время подбежал второй солдат, и Дариус едва успел замахнуться и отразить мощный удар, направленный ему прямо в лицо. Но солдат не продолжил атаку и повалил Дариуса на жёсткую землю.

Дариус почувствовал, как хрустнули его ребра, когда солдат упал на него сверху, оба они теперь валялись в засохшей грязи, окутанные облаком пыли. Солдат отбросил свой меч и пытался пальцами выдавить Дариусу глаза.

Дариус схватил его за запястья, отталкивая дрожащими руками, но безуспешно. Он знал, что нужно было быстро что-то придумать.

Дариус поднялся на одно колено, сумев повалить соперника набок. Тем же движением он извлек у него с пояса длинный кинжал, который заприметил раньше, и со всей силы воткнул его мужчине в грудь.

Солдат вопил, а Дариус лежал на нём сверху, и смотрел, как тот умирает у него на глазах. Дариус лежал там, окоченевший и шокированный. Он в первый раз убил человека. Это был странный опыт. Радость победы смешивалась с грустью.

Дариус услышал крик позади себя, который вырвал его из оцепенения, и увидел, как другой солдат, которого он отключил первым, поднимается на ноги и направляется к нему. Он размахивал мечом и целился ему в голову.

Дариус подождал, и, в последнюю секунду, пригнулся, так что солдат, споткнувшись, пролетел мимо.

Дариус нагнулся, вынул клинок из груди мертвеца и обернулся к солдату, возобновившему наступление. Стоя на коленях, он потянулся вперёд и метнул кинжал.

Он наблюдал за тем, как кинжал, вращаясь, летит и вонзается прямо в сердце солдата, пробивая доспех. Лучшая в мире имперская сталь обратилась против своего владельца. Возможно, подумал Дариус, им не стоило затачивать свои кинжалы так остро.

Ноги солдата подкосились, глаза вылезли из орбит, и он завалился на бок, мёртвый.

Сзади снова прозвучал громкий крик, и Дариус подскочил, оборачиваясь к надзирателю, который слезал со своего зерга. Вид у него был разъярённый, и, обнажив меч, он бросился к Дариусу с диким воплем.

«Ничего, я сам тебя убью», – кричал он. «Но я не просто тебя убью, я буду медленно пытаться и тебя, и твою семью, и всю деревню!»

Он накинута на Дариуса.

Этот имперский надзиратель был явно лучшим воином, чем предыдущие: выше, шире в плечах, и с более мощным оружием. Он был закалённым воякой, лучшим из всех, с кем Дариусу приходилось драться. Дариус вынужден был признать, что испытывает страх перед столь великолепным противником, но отказывался это показать. Он убеждал себя, что перед ним обычный человек. А люди не всесильны.

Люди не всесильны.

Дариус поднял свой меч, чтобы встретить им надзирателя, который обеими руками обрушил на него свой сверкающий на солнце клинок. Дариус уклонился и отразил удар. Противник замахнулся ещё раз.

Слева и справа, слева и справа – солдат наносил удары, а Дариус их блокировал. Металл грохотал у него в ушах и повсюду сыпались искры. Противник заставлял его отступать, и Дариус собирал все силы, чтобы просто защищаться. Этот мужчина был силен и быстр, и Дариус думал только о том, как бы остаться в живых.

Дариус замешкался с тем, чтобы отразить один из ударов, и вскричал от боли, когда надзиратель нашёл дыру в его защите и рассёк ему бицепс. Ранение было неглубоким, но болезненным. Дариус почувствовал, как из его первой боевой раны потекла кровь, и ошеломлённо замер.

Это было ошибкой. Надзиратель воспользовался его замешательством и ударил его тыльной стороной перчатки. Дариус ощутил острую боль в щеке и челюсти, когда металл коснулся его лица. Этот удар опрокинул его назад и заставил отлететь на пару футов, а Дариус в это время отметил про себя, что в бою никогда нельзя останавливаться и осматривать раны.

Когда Дариус ощутил вкус крови на губах, в нём вскипела ярость. Надзиратель снова атаковал, огромный и сильный, но в этот раз, с болью, пульсирующей в щеке, и кровью на языке, Дариус не позволил себя напугать. Первые удары схватки были нанесены, и Дариус понял, что какими болезненными они ни были, это было не смертельно. Он всё ещё стоял, дышал, был жив.

А это означало, что он по-прежнему мог сражаться. Он мог отбивать удары, мог продолжать. Ранение ослабило его не настолько, насколько он опасался. Возможно, он был меньше по размеру и менее опытным, но осознал, что навыки его были также остры, как и у всех остальных. Значит, он тоже мог быть опасен.

Дариус издал утробный крик и бросился вперёд, принимая бой, вместо того, чтобы уклоняться. Не боясь больше, что его ранят, он поднял меч, и обрушил его на противника. Мужчина отразил удар, но Дариус не отступил, замахиваясь ещё и ещё, оттесняя надзирателя, не смотря на его габариты и силу.

Дариус дрался за свою жизнь, за Лоти, за весь свой народ и братьев по оружию. Слева и справа, слева и справа, он продолжал бить, быстрее, чем мог себе представить, больше не позволяя тяжести стали себя тормозить, и, наконец-то, нашёл брешь. Надзиратель взвыл от боли, когда Дариус распорол ему бок.

Он со злостью уставился на Дариуса, и на лице его сперва появилось удивление, а потом сверкнула жажда мести.

Он взревел, как раненый зверь, и атаковал Дариуса. Надзиратель отбросил свой меч, сделал рывок вперёд и поймал Дариуса в медвежий захват. Он приподнял Дариуса от земли и сжал так сильно, что тот выронил меч. Всё случилось очень быстро, это был неожиданный приём, и Дариус не успел среагировать вовремя. Он думал, что враг будет полагаться на меч, а не на кулаки.

Дариус висел над землёй, хрипя, и чувствовал, что скоро каждая кость в его теле будет сломана. Он закричал от боли.

Надзиратель сжал его сильнее, так сильно, что Дариус был уверен, что умрёт. Затем он нагнулся и ударил Дариуса головой в переносицу.

Дариус почувствовал, как хлынула кровь и жуткая боль пронзила его лицо, и глаза, ослепляя его. Этого он тоже не ожидал. Надзиратель нагнулся опять, чтобы повторить удар, и беззащитный Дариус уже не сомневался, что его убьют.

В воздухе зазвенели цепи, и, внезапно, глаза надзирателя выпучились, и он ослабил хватку. Дариус пытался отдышаться, не понимая, что произошло, удивляясь, что его отпустили. Потом он увидел Лоти, стоявшую за спиной надзирателя, которая изо всех сил душила его обрывком цепи, свисавшим с оков на её руках.

Дариус стоял, покачиваясь, и восстанавливал дыхание, в то время как надзиратель немного попятился, затем потянулся через плечо, ухватил Лотти сзади, нагнулся и перебросил её через себя. Лоти, вскрикнув, с размаху приземлилась спиной на жёсткую землю, в грязь.

Надзиратель сделал шаг вперёд и занёс над ней ботинок, целясь подошвой в лицо, и Дариус понял, что он проломит ей череп. Надзиратель был сейчас в добрых десяти футах от Дариуса, и он бы просто не успел вовремя до него достать.

«НЕТ!» – закричал Дариус.

Думать пришлось быстро: он поднял свой меч с земли, шагнул вперёд и ловким движением метнул его в противника.

Меч, вращаясь, рассекал воздух, а Дариус заворожённо наблюдал за его полётом, пока остриё не пробило доспех надзирателя, встряв ему прямо в сердце.

Его глаза округлились снова, он закачался и упал, сначала на колени, а потом – лицом на землю.

Лоти быстро поднялась на ноги, и Дариус поспешил к ней. Успокаивая её, он положил руку ей на плечо. Он был невыразимо благодарен ей и безмерно рад, что с неё всё хорошо.

Внезапно они услышали свист. Дариус обернулся и увидел, как надзиратель приподнялся з земли, поднёс руку ко рту и свистнул ещё раз, последний раз перед смертью.

Ужасающий рык нарушил тишину, и земля задрожала у них под ногами.

Дариус обернулся и застыл, как громом поражённый: их атаковал зетра. Он нёсся на них в приступе ярости, опустив острые рога. Дариус и Лоти быстро переглянулись: бежать было некуда. Дариус подумал, что через мгновение им обоим суждено погибнуть.

Дариус огляделся, в поисках решения, и заметил рядом с ними крутой горный склон, усеянный скалами и булыжниками. Дариус выставил одну руку ладонью вперёд, а другой обхватил Лоти, прижимая её как можно ближе. Дариус не хотел призывать свою силу, но знал, что в данный момент это был единственный способ выжить.

Он почувствовал знакомый невыносимый жар внутри, силу, которая едва поддавалась его контролю, и увидел, как свет полился из его открытой ладони на крутой склон. Раздался гул, сначала тихий, но постепенно набирающий громкость, со склона посыпались булыжники, образуя мощный поток.

Лавина камней обрушилась на зетру, и поглотила его за секунду до того, как он их достиг. Поднялось огромное облако пыли, раздался громкий треск, и, наконец-то, всё успокоилось.

Дариус стоял и слушал тишину, наблюдая за пылью, кружащейся в лучах солнца, и не в силах понять, что он только что сделал. Он повернулся к Лоти, и увидел полный ужаса взгляд, которым она смотрела на него. Он понял, что всё изменилось. Он раскрыл свой секрет. Пути назад не было.

Глава седьмая

На носу маленькой лодки сидел Тор. Ноги его были скрещены, спина выпрямлена, а ладони расслабленно лежали на бёдрах. Он сидел спиной ко всем остальным и вглядывался в холодное жестокое море. Его глаза были красными от слёз, и он не хотел, чтобы его видели таким. Слёзы уже высохли, но следы рыданий были ещё слишком явными, и он продолжал сидеть и в оцепенении смотреть на море, размышляя о странности бытия.

Возможно ли, что судьба послала ему сына только затем, чтобы потом отнять? Возможно ли, что тот, кого он так любил, исчез бесследно, без предупреждения и без единого шанса на возвращение?

Жизнь, казалось Тору, была чересчур жестока, ведь если бы в ней была хоть какая-то справедливость, он получил бы сына обратно.

Тор отдал бы что-угодно – *что-угодно* – самому пройти сквозь огонь и умереть миллионом смертей, только бы вернуть Гувейна.

Тор закрыл глаза и встряхнул головой, пытаясь отогнать от себя видение кипящего вулкана, и языков пламени вокруг пустой колыбельки. Он избегал мысли о том, что его сын умер такой страшной смертью. Его сердце обжигала ярость, но ещё сильнее душила тоска. И стыд за то, что не добрался до своего малыша немногим раньше.

К тому же, Тор чувствовал, как внутри него разверзается пропасть, как только он пытался вообразить себе будущую встречу с Гвендолин и то, как он сообщит ей такую новость. Вряд ли она когда-нибудь снова захочет посмотреть ему в глаза. И прежней она после этого тоже уже никогда не будет. У Торгрина будто разом отобрали всю его жизнь. Он не знал, как её восстановить, как собрать по обломкам. Он не представлял, как люди в подобной ситуации находили новую причину жить.

Тор услышал шаги и почувствовал, как лодка накренилась под весом того, кто сел с ним рядом. Он обернулся и с удивлением обнаружил Конвена, занявшего соседнее место и глядящего в морскую даль. Тору казалось, что он целую вечность не говорил с Конвеном, с самой смерти его близнеца. Тор был рад ему. Когда Тор внимательней всмотрелся в скорбное выражение его лица, он впервые его понял. По-настоящему понял.

Конвен не произнёс ни слова. Это было ненужно. Его присутствия было достаточно. Он выражал сочувствие своему брату по несчастью.

Они долго сидели в тишине, нарушаемой только свистом ветра и плеском волн, нежно касавшихся бортов лодки, маленькой лодки, бесцельно дрейфующей в бескрайнем море, потому что главную задачу – спасти Гувейна – им выполнить не удалось.

Наконец, Конвен заговорил.

«Не бывает такого дня, чтобы я не вспоминал Конвала», – сказал он с грустью в голосе.

Снова последовала долгая пауза. Тор хотел ответить, но не мог, из-за кома, подступившего к горлу.

Затем Конвен добавил: «Я горюю по Гувейну вместе с тобой. Хотел бы я посмотреть, как он станет великим воином, как его отец. Он бы им стал, я точно знаю. Жизнь бывает трагичной и жестокой. Даёт что-то, а потом отнимает. Я бы и рад сказать тебе, что от своего горя уже излечился, но это не так».

Тор посмотрел на него. Резкая откровенность Конвена странным образом дала ему умиротворение.

«Что заставляет тебя продолжать жить?», – спросил Тор.

Конвен долго смотрел на воду, и, вздохнув, наконец ответил:

«Мне кажется, Конвал бы этого хотел. Он хотел бы, что бы я не сдавался. И я живу. Для него, не для себя. Иногда мы живем для других. Иногда нам самим уже слишком всё равно,

чтобы жить для себя, и мы делаем это для кого-то. И я начинаю понимать, что иногда этого достаточно».

Тор задумался о Гувейне, теперь уже мёртвом, и о том, какого сына ему хотелось бы иметь. Конечно, он хотел бы, чтобы Торгрин жил и заботился о своей матери, Гвендолин. Тор понимал это умом. Но принять это душой ему было сложно.

Конвен откашлялся.

«Мы живём для своих родителей», – сказал он. «Для наших братьев и сестер. Для наших жён, сыновей и дочерей. Мы живём для других. И иногда, когда жизнь наносит тебе удар, от которого сложно оправиться и сам ты не хочешь продолжать дальше, этого должно быть достаточно».

«Я не согласен», – послышался голос.

Тор обернулся и увидел Матуса, который подошёл и сел по другую сторону от него. Матус направил взгляд в море, грозный и гордый.

«Я думаю, что мы живём для другого», – добавил он.

«И для чего же?», – поинтересовался Конвен.

«Вера». Матиус вздохнул. «Мой народ, жители Южных островов, молятся своим четверым богам скалистых берегов. Они поклоняются богам воды, ветра, неба и скал. Эти боги никогда не отвечали на мои молитвы. Я молюсь древнему богу Кольца».

Тор посмотрел на него удивлённо.

«Я не знал ни одного выходца с Верхних островов, который бы принадлежал к вере Кольца», – сказал Конвен.

Матус кивнул.

«Я исключение», – сказал он. «И всегда им был. В юности я хотел вступить в монашеский орден, но отец даже слышать об этом не захотел. Он настаивал, чтобы я взялся за оружие, как мои братья».

Он вздохнул.

«Я считаю, что мы живём ради веры, а не для других», – продолжил он. «Она нас ведёт. Если вера достаточно сильна, действительно сильна, всё может случиться. Даже чудо».

«А сына она мне может вернуть?», – спросил Тор.

Матус непоколебимо кивнул, и Тор увидел уверенность в его глазах.

«Да», – просто ответил Матус. «Всё, что угодно».

«Ты лжёшь», – сказал Конвен с негодованием. «Ты даёшь ему ложную надежду».

«Нет», – возразил Матус.

«Ты хочешь сказать, что вера вернёт мне погибшего брата?» – возмутился Конвен.

Матус снова вздохнул.

«Я хочу сказать, что всякая трагедия – это дар».

«Дар?» – спросил Тор, поражённый. «Ты считаешь, что потерять сына – это дар?»

Матус уверенно кивнул в ответ.

«Тебе достался дар, как бы трагично это ни звучало. Ты пока не знаешь, какой. Возможно, ещё долго не узнаешь. Но однажды ты в этом убедишься».

Тор развернулся к морю, растерянный и недоумённый. Неужели всё это – ещё одно испытание? Одно из тех, о которых говорила его мать? Можно ли было вернуть сына полагаясь на одну лишь веру? Он хотел верить. Правда, хотел. Но он не знал, достаточно ли его вера сильна. Когда его мать рассказывала об испытаниях, Тор был уверен, что сможет выдержать любое, какое получит. Сейчас, когда это случилось, он сомневался, что ему хватит сил продолжать.

Лодка закачалась на волнах, а затем приливы внезапно сменили направление, и Тор почувствовал, как маленькое судно развернулось и направилось в противоположную сторону. Он отвлёкся от своих размышлений, желая узнать, что происходит. Рис, Элден, Индра и О'Кон-

нор по-прежнему гребли и пытались управлять парусом, который сейчас трепался под натиском дикого ветра. Они выглядели растерянными.

«Северные приливы», – сказал Матус. Он стоял, держа руки на бёдрах, и изучал поверхность моря. Затем он покачал головой: «Это не к добру».

«Что это?» – спросила Индра. «Лодка стала неуправляемой».

«Они иногда проходят мимо Верхних островов», – объяснил Матус. «Сам я их никогда не встречал, но слышал о них, особенно так далеко на севере. Они представляют собой разрывные течения. Стоит им поймать корабль, они унесут его, куда захотят. Сколько ни гребь и ни ставь парусов».

Тор посмотрел вниз и заметил, что вода под ними движется с удвоенной скоростью. Он бросил взгляд вперёд и увидел, что их несёт к новому, пустому горизонту, туда, где небо закрывали лиловые и белые облака, красивые, но предвещающие опасность.

«Но теперь мы движемся на восток, – сказал Рис, – а нам нужно на запад. Все наши люди с запада. Империя на западе».

Матус пожал плечами.

«Мы движемся туда, куда несёт нас прилив».

Тор раздражённо оглядывался, понимая, что с каждой секундой они отдаляются от Гвендолин, от своего народа.

«И где он закончится?», – спросил О’Коннор.

Матиус снова пожал плечами.

«Я знаю только Верхние острова», – сказал он. «Так далеко на севере я раньше не бывал. Я не знаю, что там находится».

«Конец есть», – мрачно подал голос Рис, и все обернулись к нему.

Рис серьёзно посмотрел на них.

«Я изучал приливы давным-давно, в юности. В древней Книге королей у нас была вставка с картами, на которых был каждый уголок земли. Северные приливы несут прямо к восточному краю света».

«Восточному краю?» – переспросил Элден обеспокоенно. «Мы же окажемся по другой конец мира от дома».

Рис покачал головой.

«Книги были древними, а я – молодым. Всё что я помню точно, это то, что приливы – это портал в Страну духов».

Тор посмотрел на Риса с любопытством.

«Бабушкины сказки», – сказал О’Коннор. «Не существует портала в Страну духов. Его запечатали много веков назад, до рождения наших отцов».

Рис пожал плечами и все замолчали, уставившись на море. Тор следил за быстро движущейся водой и спрашивал себя, куда же их несло.

* * *

Тор стоял один на корме, в одиночестве глядя на воду уже не первый час, и брызги летели ему в лицо. Он весь онемел и едва замечал мир вокруг. Тору хотелось действовать – поднимать паруса, грести – не важно, но делать им сейчас было нечего. Северные приливы несли их по своей воле, и всё, что оставалось экипажу, – это празднично сидеть, наблюдать за течением, пока их лодка качается на длинных волнах, и гадать, где они в итоге окажутся. Сейчас они были в руках судьбы.

Пока Тор сидел там, вглядываясь в горизонт, ожидая, когда закончится море, он чувствовал, что проваливается в небытие, оцепенев от холода и ветра, и растворяется в бесконечной монотонной тишине, нависшей над ними. Морские птицы, которые поначалу их сопро-

вождали, давно исчезли, и чем больше углублялась тишина и темнее становилось небо, тем яснее Тор ощущал, что они плывут в пустоту, на самый край света.

Много часов спустя, на закате дня, Тор, сидя на своём прежнем месте, заметил что-то на горизонте. Сначала он был уверен, что это всего лишь иллюзия, но течение усилилось, и вскоре очертания стали чётче. Он был настоящим.

Тор выпрямился и, впервые за день, поднялся на ноги. Лодка качалась, а он стоял и смотрел в даль.

«Он настоящий?» – спросил голос.

Тор увидел Риса, подходившего к нему. Элден, Индра и остальные скоро к ним присоединились, и все вместе они стояли и строили догадки.

«Это остров?» – предположил вслух О'Коннор.

«Выглядит как пещера», – сказал Матус.

Они приближались, и Тор и впрямь стал различать очертания пещеры. Это была огромная пещера, открывавшаяся в обломке скалы, торчавшей из воды посреди бескрайнего жестокого океана на сотни футов вверх. Вход в пещеру имел форму большой арки. Он выглядел как гигантский рот, готовый проглотить мир.

Течение несло лодку прямо туда.

Тор стоял поражённый, и у него появилась единственно верная догадка: это был вход в Страну духов.

Глава восьмая

Дариус медленно шёл по тропинке в грязи, а Лоти следовала за ним в напряжённом молчании. Никто из них не проронил ни единого слова после столкновения с надзирателем и его людьми, и пока они возвращались в деревню, в голове Дариуса роились тысячи мыслей. Дариусу хотелось обнять её, чтобы показать, насколько он был счастлив, что она жива, и благодарен за своё спасение, и насколько твёрдо он решил никогда больше с ней не расставаться. Ему хотелось заглянуть ей в глаза и увидеть там радость и облегчение, услышать, что риск, на который он пошёл ради неё, много для неё значит, или, хотя бы, что её приятно увидеться с ним снова.

Но они продолжали идти в глубокой неловкой тишине. Лоти не только ничего не сказала, но избегала даже смотреть на него. С того самого момента, как он вызвал лавину, – ни слова, ни взгляда. Сердце Дариуса громко стучало, когда он пытался угадать её мысли. Ей довелось увидеть, как он применил свою силу, как обрушил лавину. Тогда она испугалась, и с тех пор больше не встречалась с ним взглядом.

Дариус думал, что, возможно, по её мнению, прибегнув к магии он нарушил священный запрет её народа, ведь этот народ презирал магию. Возможно, она стала его бояться, или, что ещё хуже, – разлюбила. Возможно, в её глазах он теперь стал чудовищем.

Сердце его разрывалось, и он уже не знал, ради чего всё это затеял. Он только что рисковал жизнью за девушку, которая его больше не любит. Он готов был всё отдать, чтобы прочесть её мысли, но она хранила молчание. Может, всему виной был просто шок?

Дариус хотел сказать ей что-нибудь, чтобы разрядить атмосферу, но не знал, как начать. Раньше ему казалось, что он понимает её, а теперь он не был уверен. С одной стороны, он был уязвлён и гордость не позволяла ему заговорить первым, учитывая такую её реакцию, с другой – ему было стыдно. Она знала, что его соплеменники думают об использовании магии. Неужели, то, что он к ней прибегнул, было настолько ужасно? Даже если он спас ей жизнь? Интересно, она расскажет остальным? Если в деревне узнают, то его, несомненно, изгонят.

Они всё шли и шли, и Дариус больше не мог этого выносить. Он должен был что-то сказать.

«Не сомневаюсь, твоя семья будет рада увидеть, что ты благополучно вернулась», – начал он.

Лоти, к его разочарованию, не воспользовалась возможностью повернуться к нему. Её лицо осталось непроницаемым и она продолжила идти молча. Наконец, после долгой паузы, она покачала головой.

«Возможно», – сказала она. «Но они очень встревожатся. Как и все в нашей деревне».

«Ты о чём?» – спросил Дариус.

«Ты убил надзирателя. Мы убили надзирателя. Теперь нас будут искать всей Империей. Они разрушат нашу деревню. Убьют людей. Мы поступили ужасно и эгоистично».

«Ужасно? Я спас тебе жизнь!» – рассерженно воскликнул Дариус.

Она пожала плечами.

«Моя жизнь не стоит жизней всего нашего народа».

Дариус весь кипел от злости, не зная, как ей ответить. Лоти, начал осознавать он, была непростой девушкой, которую трудно понять. Непокоримые убеждения её семьи и народа слишком прочно засели у неё в голове.

«Значит, ты меня ненавидишь», – сказал он. «Ненавидишь за то, что я тебя спас».

Она так и не взглянула на него и не сбавила шаг.

«Я тоже тебя спасла», – заносчиво парировала она. «Ты забыл?»

Дариус покраснел. Он не мог её понять. Слишком уж она была гордой.

«Я не ненавижу тебя», – добавила она, в конце концов. «Но я видела, как ты это сделал. Видела, что ты сделал».

Дрожь пробрала Дариуса изнутри. Её слова его больно задели. Они прозвучали, как обвинение. Это было несправедливо, ведь она обязана ему жизнью.

«А это что, настолько ужасно?» – спросил он. «Какую бы силу я ни применил?»

Лоти не ответила.

«Я такой, какой есть», – сказал Дариус. «Таким родился. Я не просил об этом. И сам себя не до конца понимаю. Я не знаю, когда но приходит и когда уходит. Не знаю, смогу ли использовать это снова. Оно... Оно будто само меня использует».

Лоти смотрела вниз, не отвечая и не встречаясь с ним взглядом. Дариуса поглотили сожаления. Неужели, он совершил ошибку, когда спас её? Должен ли он стыдиться того, кем является?

«Ты бы предпочла умереть, лишь бы я не использовал... то, что использовал?» – спросил Дариус.

Лоти снова не ответила, и сожаления Дариуса усилились.

«Никому об этом не рассказывай», – сказала она. «Мы никогда никому не расскажем о том, что сегодня произошло. Мы оба станем изгнанниками».

Они завернул за угол, и показалась их деревня. Они спускались по главной дороге, и их сразу заметили жители. Они приветствовали их криками радости.

За несколько секунд вся деревня пришла в оживление, потому что сотни жителей вышли их встречать и окружили их, толпясь в очереди, чтобы обнять Лоти и Дариуса. Сквозь толпу к ним пробивалась мать Лоти, вместе с отцом и двумя братьями – высокими широкоплечими мужчинами, с короткими стрижками и широкими скулами. Они все оценивающе смотрели на Дариуса сверху вниз. Чуть поодаль стоял третий брат Лоти – он был меньше остальных и хромал на одну ногу.

«Любовь моя», – сказала мать Лоти, торопясь заключить дочь в крепкие объятия.

Дариус держался позади, не зная, что делать.

«Что с тобой случилось?» – спросила её мать. «Я думала, имперцы тебя забрали. Как ты вырвалась?»

Селяне мрачно умолкли, и взгляды их обернулись к Дариусу. Он стоял, не зная, что сказать. Он думал, что это должен быть момент радости и ликования, поздравлений с тем, что он совершил. Момент его гордости, признания, в качестве героя. В конце концов, только ему хватило смелости последовать за Лоти.

Вместо этого, наступил момент замешательства. И даже стыда. Лоти многозначительно на него посмотрела, напоминая, чтобы он не раскрывал их секрет.

«Ничего не случилось, мама», – ответила Лоти. «В Империи передумали. Они сами меня отпустили».

«Отпустили?», – пронеслось по толпе недоверчивое эхо.

Лоти кивнула.

«Меня отпустили далеко отсюда. Я заблудилась в лесу, а Дариус меня нашёл. Он привёл меня назад».

Жители молчали, скептически глядя то на Дариуса, то на Лоти. Дариус чувствовал, что им не верят.

«А что это за след у тебя на лице?» – спросил её отец, подойдя ближе, и потер пальцем её щеку, поворачивая ей голову, чтобы рассмотреть получше.

Дариус вытянулся и разглядел большой тёмный синяк.

Лоти посмотрела на отца, замешкавшись с ответом.

«Я... споткнулась», – сказала она. «О корень. Ничего страшного».

Все теперь уставились на Дариуса, а Бокбу, деревенский старшина, вышел вперёд.

«Дариус, это правда?» – спросил он серьёзным тоном. «Ты мирно привёл её назад? У вас не было стычки с Империей?»

Дариус стоял под сотнями взглядов, и его сердце выпрыгивало из груди. Он знал, что если расскажет об их столкновении, о том, что сделал, то все они станут бояться возмездия. И он не сможет им объяснить, как он всех одолел, не упоминая магию. Он станет изгнанником, как и Лоти, а ему не хотелось сеять панику среди людей.

Дариус не хотел врать. Но он не придумал, как поступить иначе.

Поэтому он просто кивнул старшим, не открыв рта. Пусть сами догадываются, подумал он.

Постепенно люди успокоились и повернулись назад, к Лоти. Наконец, один из её братьев приблизился к ней и обхватил за плечи.

«Она спасена!» – крикнул он, сняв напряжение. «Остальное неважно!»

Родные бросились обнимать Лоти, а деревня огласилась радостными криками.

Дариус стоял и наблюдал, и кто-то пару раз без особого энтузиазма похлопал его по спине в знак одобрения. Семья увела Лоти в деревню. Он смотрел, как она уходит, в надежде, что она хоть раз на него оглянется.

Но, когда она просто исчезла в толпе, сердце его охладело.

Глава девятая

Волусия гордо возвышалась на своей золотой колеснице, которая, в свою очередь, стояла на палубе её золотого, сверкавшего на солнце, судна. Оно медленно несло её вниз по каналу, пока Волусия стояла раскрыв руки, принимая обожание своего народа. Тысячи людей выходили на улицы и спешили к берегам канала, выкрикивая со всех сторон её имя.

Плывя по узким каналам, пересекающим весь город, Волусия практически могла протянуть руку и дотронуться до своих подданных, громко восхвалявших её, выкрикивавших ей приветствия, и бросавших в воздух разноцветный серпантин, усыпая её путь. Это было самым большим проявлением уважения, на который был способен её народ. Таким образом они принимали возвратившегося героя.

«Да здравствует Волусия! Да здравствует Волусия!» – скандировала толпа на каждой улице, где она проплывала по пути в свой роскошный город с золочёными домами и мостовыми.

Волусия откинулась назад и наслаждалась, взбодораженная тем, что она одолела Ромулуса, расправилась с Верховным правителем Империи и уничтожила его личное войско. Она чувствовала единение со своим народом, ведь ему передалось её воодушевление. Никогда она ещё не испытывала таких сильных чувств, за исключением того дня, когда убила свою мать.

Волусия подняла взгляд на свой великолепный город, вход в который обрамляли две величественные колонны, отливавшие золотым и зелёным в солнечных лучах. Она любовалась бесконечной вереницей зданий, воздвигнутых во времена её предков, на которых запечатлелись следы прошедших столетий. Сверкающие безукоризненной чистотой улицы заполняли тысячи людей и многочисленная охрана, занявшая посты на каждом углу идеально прорубленного канала, соединявшего все важные точки города. На пешеходных мостиках били копытами запряжённые в золотые колесницы лошади, на людях в колесницах были надеты их лучшие шелка и украшения. Во всём городе объявили праздник и все вышли поприветствовать её, прокричать её имя в этот священный день. Она для них была больше, чем лидер. Она была богиней.

Ещё более знаменательным было то, что этот день совпал с народным празднованием Дня Огней, в который поклоняются семи богам солнца. Волусия, как глава города, торжественно открывала праздничные мероприятия, и сейчас, когда она плыла, за её спиной, затмевая день, полыхали два огромных золотых факела, готовых зажечь Большой фонтан.

Люди следовали за ней, бежали по улицам наперегонки с её лодкой. Она знала, что они будут сопровождать её до самого центрального из семи кругов города, где она сойдёт на землю и зажжёт фонтаны, что послужит знаком к началу праздника и жертвоприношений. Это был славный день, для её города и её народа, день восхваления четырнадцати богов, которые, по преданию, окружили город, чтобы охранять четырнадцать входов в него от неожиданных гостей. Её люди молились им, и сегодня, как и в другие дни, их благодарность была заслуженной.

В этом году её подданных ожидал сюрприз: Волусия добавила к сонму пятнадцатое божество впервые за все века со дня основания города. И этим божеством была она сама. Волусия водрузила величественную золотую статую самой себя в центре семи кругов и переименовала это день своим именем, объявила его своим праздником. Когда со статуи снимут покрывало и весь её народ впервые её увидит, они поймут, что Волусия была больше, чем её мать, больше, чем лидер, больше, чем смертный человек. Она была богиней, и заслуживала ежедневного поклонения. Они станут молиться ей и кланяться ей также, как и остальным – или так, или заплатят своей кровью.

Волусия улыбнулась сама себе, когда её лодка подплыла ближе к центру города. Она не могла дождаться, чтобы посмотреть на выражения их лиц, когда она заставит их поклоняться

ей наравне с четырнадцатью богами. Они ещё не знали этого, но однажды она низвергнет всех остальных богов, одного за другим, пока не останется единственной.

Волусия возбужденно оглянулась через плечо и увидела за собой бесконечную череду судов, следовавших за ней с живыми быками, козами и баранами, шумными и беспокойными от яркого солнца, приготовленными к принесению в жертву богам. Она зарежет лучшего и самого крупного из них у своей статуи.

Лодка Волусии наконец-то вошла в канал, ведущий к семи золотым кругам, каждый больше другого, которые представляли собой золотые площадки, опоясанные водой. Её лодка подплывала всё ближе и ближе к центру мимо каждого из четырнадцати богов, и сердце Волусии билось в предвкушении. Каждая статуя бога возвышалась над ними на двадцать футов, каждая сверкала золотом. В самом центре, на площадке, которая всегда оставалась пустой для жертвоприношений и конгрегаций, теперь стоял новый золотой пьедестал, на котором стояла пятидесятифутовая конструкция, накрытая куском белого шёлка. Волусия улыбалась: она одна из всех знала, что скрывалось под тканью.

Когда они достигли центральной площадки, лодка остановилась, и слуги поспешили помочь Волусии спуститься с неё. Она смотрела, как рядом пришвартовалось ещё одно судно, и двенадцать мужчин сняли оттуда самого большого быка, которого она когда-либо видела, и подвели к Волусии. У каждого из мужчин в руках было по крепкой верёвке, и они вели зверя очень осторожно. Это был особенный бык, выращенный в Нижних провинциях: ярко-красного окраса, пятнадцати футов в высоту. Сгусток силы и ярости. Он сопротивлялся, но мужчины умирляли его и продолжали вести к статуе.

Волусия услышала звук вынимаемого из ножен меча и, обернувшись, увидела Аксана, её личного наёмного убийцу, который стоял рядом с ней, держа церемониальный меч в руках. Аксан был самым преданным из всех её людей, готовым убить кого угодно по кивку её головы. Помимо этого, у него были садистские наклонности, за что он ей и нравился, и чем много раз заслуживал её уважение. Он был одним из немногих людей, кому она позволяла держаться к себе так близко.

Аксан смотрел ей в ответ. У него было впалое, изрытое оспой лицо, а из-под густых чёрных волос виднелись рожки.

Волусия приняла у него длинный церемониальный меч с шестифутовым лезвием, и крепко сжала рукоять обеими руками. Люди притихли, когда она высоко замахнулась и изо всех сил обрушила меч на шею быка.

Лезвие, невероятно острое и тонкое, как пергамент, прошло насквозь, и Волусия удовлетворённо усмехнулась услышав звук металла, вонзающегося в плоть, почувствовала, как он пробивает себе путь, и ощутила брызги крови на своём лице. Кровь лилась во все стороны, стекаясь в лужу у её ног. Обезглавленный бык несколько раз дёрнулся и упал к подножию всё ещё укрытой статуи. Брызжащая кровь покрывала пятнами и шёлк, и золото, и в толпе прокатился крик ликования.

«Прекрасный знак, моя госпожа», – сказал, наклонившись к ней, Аксан.

Начались церемонии. Повсюду затрубили трубы и сотни животных начали резать со всех сторон от Волусии. Это будет долгий день резни, насилия, чревоугодия и пьянства – а за ним ещё несколько таких же. Волусия непременно ко всем присоединится, возьмет себе вина, и перережет горло паре горожан, принесет их в жертву своим идолам. Она предвкушала долгий день жестокости и садизма.

Оставалось сделать всего одну вещь.

Толпа замолчала, когда Волусия поднялась на пьедестал к подножию своей статуи и повернулась лицом к своему народу. С другой стороны туда карабкался Кулиан – другой доверенный советник – тёмный колдун, одетый в черную мантию с капюшоном, с сияющими зелё-

ными глазами на бородавчатом лице. Это он помог ей устроить убийство собственной матери. И это Кулиан посоветовал ей построить монумент самой себе.

Люди не отрывали от неё глаз в мёртвой тишине. Она ждала, нагнетая драматичность момента.

«Великий народ Волусии!» – громогласно произнесла она. «Я дарю вам статую вашего новейшего и величайшего бога!»

Изящным жестом она сорвала шёлковую простыню, и толпа ахнула.

«Ваша новая богиня, пятнадцатая богиня, Волусия!» – провозгласил Кулиан.

Люди смотрели на статую с удивлением и ужасом. Волусия, запрокинув голову, рассматривала сияющую золотом статую вдвое выше всех прочих, совершенную копию себя. Она нервничала в ожидании реакции людей. Столетиями никто не решался добавить нового бога, и сейчас она делала ставку на то, что их любовь к ней достаточно сильна, чтобы это принять. Ей нужна была не просто их любовь, но поклонение.

К её огромному удовлетворению её подданные вдруг, все как один, опустили головы, кланяясь новому идолу.

«Волусия», – нараспев говорили они снова и снова. «Волусия. Волусия».

Волусия стояла, раскинув руки, глубоко вдыхая, наслаждаясь моментом. Такого преклонения было бы достаточно любому человеку. Любому вождю. Любому богу.

Но ей всё ещё было мало.

* * *

Волусия прошла под увенчанными аркой воротами к своему замку, пересекла галерею со стофутowymi мраморными колоннами, и направилась дальше через украшенные цветами залы, где выстроились вытянутые по струнке солдаты Империи с золотыми копьями в руках. Их шеренгам не было видно конца. Волусия шла медленно, постукивая золотыми каблуками своих ботинок по мраморному полу, сопровождаемая колдуном Кулианом, наёмным убийцей Аксаном и главнокомандующим армии Соку.

«Моя госпожа, мне необходимо с вами поговорить», – сказал Соку. Он весь день пытался пробиться к ней для разговора, но она игнорировала его, не проявляя интереса к его опасениям и чрезмерной, как ей казалось, заикливости на реальности. Она жила в собственной реальности, и собиралась поговорить с ним в удобное для себя время.

Волусия не сбавила шаг и направилась ко входу в другой коридор, который был отгорожен занавесом из длинных нитей изумрудных бус. В мгновение ока солдаты подбежали и раздвинули бусы в стороны, позволяя ей пройти.

Чем дальше она шла, тем тише становились доносившиеся снаружи звуки гуляний и священных церемоний. У неё был длинный день, за который она успела вдоволь выпить, попировать и дать выход своей жестокости, и теперь Волусии нужно было время, чтобы прийти в себя. Она восстановит силы и вернётся на ещё один круг.

Волусия вошла в свои помпезные покои, тёмные гнетущие от того, что их освещало всего несколько факелов. Больше всего света давал одинокий луч зелёного света, бравший начало из отверстия в стофутовой высоты потолке, и выхватывавший из мрака один-единственный предмет в центре комнаты.

Изумрудное копье.

Волусия приблизилась к нему с благоговейным трепетом. Сотни лет оно находилось на этом самом месте, указывая точно на источник света. И древко, и наконечник были сделаны из изумруда, и сверкали, нацеленные прямо в небо, будто бросая вызов богам. Это была священная реликвия её народа, которая, как они верили, обеспечивала существование всего города. Волусия заворуженно стояла перед ней, глядя как пылинки кружатся в луче зелёного света.

«Моя госпожа», – мягко обратился к ней Соку, и его слова разнеслись эхом в царившей тишине. «Разрешите мне сказать».

«Разрешаю», – ответила она.

«Моя госпожа, вы убили правителя Империи. Естественно, слух об этом уже распространился. Армии прямо сейчас готовятся выступить на Волусию. Огромные армии, от которых нам ни за что не защититься. Нам стоит подготовиться. Какова ваша стратегия?»

«Стратегия?», – переспросила Волусия, по-прежнему не глядя на него, раздражённая разговором.

«Как вы собираетесь заключить мир?», – настаивал он. «На каких условиях сдадитесь?»

Она повернулась к нему и смерила холодным взглядом.

«Мира не будет, – сказала она, – до тех пор, пока они сами не сдадутся и не присягнут мне на верность».

Соку смотрел на неё в страхе.

«Но, госпожа, на каждого нашего солдата приходится сотня врагов», – сказал он. «Нам не выдержать оборону».

Она повернулась обратно к копьё, а он, в отчаянии, сделал к ней ещё один шаг.

«Моя Императрица», – не прекращал он. «Вы одержали выдающуюся победу, когда захватили материнский трон. Народ её не любил, а вас – напротив. Они вам поклоняются. Никто не будет с вами откровенен. Но мне придётся. Вы окружаете себя людьми, которые говорят вам то, что вы хотите услышать. Которые вас боятся. Но я скажу вам правду, опишу реальное положение дел. Империя окружит нас. И нам не выстоять. Ни от нас, ни от города, не останется ничего. Вам нужно действовать. Вы должны заключить перемирие. Заплатите любую цену, которую они попросят. Пока нас всех не убили».

Волусия улыбнулась, изучая копьё.

«Ты знаешь, что они говорили о моей матери?» – спросила она.

Соку беспомощно посмотрел на неё и покачал головой.

Они говорили, что она была Избранной. Что её нельзя победить. Что она никогда не умрёт. И знаешь, почему? Потому что шесть веков к ряду никто не мог поднять это копьё. А она в одиночку пришла и подняла его одной рукой. И убила им своего отца, заняв его трон».

Волусия обернулась к нему, и глаза её горели от воспоминаний о той истории.

«Они говорили, что копьё можно поднять лишь раз. И только Избранный способен на это. Они говорили, что мать проживёт тысячу веков, что трон Волусии будет её навечно. И знаешь, что произошло? Я сама подняла это копьё и убила им свою мать»,

Она сделала глубокий вдох.

«О чём тебе это говорит, генерал?»

Он посмотрел на неё в растерянности и покачал головой, теряясь в догадках.

«Мы либо живём в тени чужих легенд, – сказала Волусия, – либо создаём свои собственные».

Она наклонилась к нему с гримасой ярости на лице.

«Когда я разрушу всю Империю, – сказала она, – когда весь мир упадёт передо мной на колени, когда не останется ни одного человека, не знающего и не кричащего моё имя, тогда ты увидишь, что я единственная истинная повелительница, и что я единственная истинная богиня. Я Избранная. Потому что я сама себя избрала».

Глава десятая

Гвендолин шла через деревню в сопровождении своих братьев Кендрика и Годфри, а также Сандары, Абертола, Брандта и Атме, и сотен своих людей, так как все они были приглашены сюда. Их вёл Бокбу, деревенский вождь, и Гвен, впервые идя рядом с ним по его деревне, испытывала к нему безмерную благодарность. Его народ принял их, дал им безопасное убежище, и голова сделал это на свой риск, против желания некоторых своих подчиненных. Он всех их спас, вытащил с того света. Гвен не знала, что бы делала, если бы не он. Вероятно, они бы погибли в море.

Гвен также чувствовала прилив благодарности к Сандаре, которая поручилась за них перед своим народом, и которой хватило мудрости привести их всех именно сюда. Гвен смотрела по сторонам, пытаясь сохранить в голове эту сцену: маленькие глиняные домики с затейливой лепниной и добрые глаза наблюдавших за ней людей, гордых благородных воинов. Очевидно, им раньше не встречался никто похожий на Гвен и её людей. Было заметно их любопытство, и, вместе с тем, настороженность. Гвен не могла их осуждать. Жизнь в рабстве привила им недоверчивость.

Гвен заметила, что повсюду сооружают кострища, и поинтересовалась:

«Зачем столько костров?»

«Вы прибыли в особенный день», – ответил Бокбу. «Сегодня наш праздник мёртвых. Это священная для нас ночь, которая наступает один раз в солнечный цикл. Мы жжём костры в честь богов мёртвых, и считается, что в эту ночь боги спускаются к нам и рассказывают о грядущем».

«Также есть поверье, – вмешался ещё один голос, – что в этот день придёт наш спаситель».

Гвендолин увидела, что за ними идёт мрачного вида старик лет семидесяти, с длинным жёлтым посохом и в жёлтой мантии.

«Позволь представить тебе Кало», – сказал Бокбу. «Он наш оракул».

Гвен кивнула, и он кивнул ей в ответ, не изменив выражения лица.

«У вас красивая деревня», – отметила Гвендолин. «Я вижу, что тут ценят семью».

Вождь улыбнулся.

«Ты молода как для королевы, но мудра и милостива. Слухи о тебе, которые доходят до нас из-за моря, правдивы. Я бы хотел, чтобы ты и твои люди могли остаться с нами прямо в деревне, но ты должна понимать, что на придётся спрятать вас от внимательных глаз имперцев. Но вы будете недалеко. Вон там будет ваш дом».

Гвендолин проследила за его взглядом и на расстоянии увидела гору, испещрённую множеством отверстий.

«Пещеры», – пояснил он. «Там вы будете в безопасности. Слуги Империи не станут вас там искать, и вы сможете жечь костры и готовить пищу, пока не поправитесь».

«А что потом?» – спросил, догоняя их, Кендрик.

Бокбу посмотрел на него, но, прежде чем он успел ответить, пред ним возник высокий мускулистый селянин с копьём в руках, в окружении ещё дюжины мускулистых мужчин. Это был тот самый человек с корабля, который протестовал против их высадки, и сейчас он не выглядел недовольным.

«Ты подвергаешь всех опасности, позволяя чужакам здесь находиться», – сказал он угрюмо. «Ты должен отправить их туда, откуда они явились. Это не наша работа – принимать все обездоленные народы, которые прибьёт к нашему берегу».

Бокбу покачал головой и посмотрел ему прямо в лицо.

«Твоим предкам стыдно за тебя», – сказал он. «Законы гостеприимства действуют для всех».

«Это что, часть нашей рабской повинности – проявлять гостеприимство?», – возразил он. «Даже тогда, когда к нам его не проявляет никто?»

«То, как обходятся с нами, не должно влиять на наше отношение к другим», – отрезал Бокбу. «Мы не отвернёмся от тех, кто в нас нуждается».

Селянин презрительно ухмыльнулся, глядя на Гвендолин, Кендрика и остальных, а затем снова обратился к вождю.

«Они нам здесь не нужны», – сказал он злобно. «Пещеры совсем рядом, и каждый день, когда они здесь, приближает нашу гибель».

«А что хорошего в жизни, за которую ты так цепляешься, если тратить её не по совести?» – спросил вождь.

Мужчина смерил его долгим взглядом, развернулся и стремительно пошёл прочь, сопровождаясь своими соратниками.

Гвендолин смотрела им вслед и думала, как на это отреагировать.

«Не обращай на них внимания», – сказал вождь, когда вся их процессия возобновила шаг.

«Я не хочу вас обременять», – сказала Гвендолин. «Мы можем уйти».

Бокбу покачал головой.

«Вы никуда не пойдёте», – сказал он. «Во всяком случае, пока не будете к этому готовы. В Империи есть много мест, куда вы сможете отправиться, если захотите. В том числе, и надёжно спрятанных. Но все они далеко отсюда, и путь туда опасен, а вам нужно восстановить силы и решить, хотите ли вы остаться с нами. Я настаиваю. Вообще-то, только на эту ночь, я бы хотел, что вы присоединились к нашему деревенскому празднику. Уже смеркается – имперцы вас не заметят, а сегодня важный для нас день. Я сочту за честь принять вас в гости».

Гвендолин только сейчас заметила, как быстро опустились сумерки, и увидела, что повсюду зажглись костры, а жители деревни, одетые в свои лучшие наряды, собирались вокруг. Она услышала, как забил барабан – сначала тихо, равномерно, а потом – всё уверенней и ритмичней. Она видела, как дети бегают туда-сюда с чем-то похожим на конфеты в руках. Мужчины разносили кокосы, наполненные какой-то жидкостью, а на кострах жарились туши огромных животных.

Гвен понравилась идея остаться, потому что её спутникам нужно было отдохнуть и хорошо поесть, прежде чем начнётся их изоляция в пещерах.

Она обернулась к вождю.

«Мне нравится ваше предложение», – сказала она. «Очень нравится».

* * *

Сандара рядом с Кендриком, переполненная эмоциями от возвращения домой. Она была счастлива снова оказаться на родине, со своим народом, на знакомой с детства земле, но, в то же время, чувствовала себя скованно, будто снова стала рабыней. Возвращение окунуло её в воспоминания о том, почему она уехала, почему вызвалась волонтером на службу Империи, уплыла с за море в качестве целительницы. По крайней мере, так она смогла выбраться из этого места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.